

ВОИН РУССКОГО МИРА

ТАТЬЯНА
Беспалова

Миссия выполнима

Татьяна Беспалова
Воин Русского мира

«ВЕЧЕ»

2018

Беспалова Т. О.

Воин Русского мира / Т. О. Беспалова — «ВЕЧЕ»,
2018 — (Миссия выполнима)

ISBN 978-5-4484-7159-9

Родина встречает ветерана нескольких войн, уроженца шахтёрского городка Пустополье Александра Травня страшным горем. Старый его товарищ Иван погиб. Возле родной хрущевки, где Травень родился и вырос, – искореженный танковыми гусеницами асфальт. Кто и с кем воюет? Уставшие перепуганные жители не могут дать толкового ответа. Известно лишь, что дочь его старого товарища-шахтера выжила и теперь сражается. Травень выясняет, что его друзья-одноклассники ныне оказались по разные стороны. Тогда он решает положить конец войне...

ISBN 978-5-4484-7159-9

© Беспалова Т. О., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Пролог	6
Часть первая	11
Часть вторая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Беспалова Татьяна Олеговна

Воин Русского мира

© Беспалова Т.О., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

* * *

*...Стерты ноги по колени, все песни спеты.
Сколько надо поколений, чтобы выйти к свету,
Сорок лет или сорок тысячелетий?
Я знаю, кто все знает, но Он не ответит.
Думай сам! Делай сам! Бойся, верь и проси;
Там, где рожь колосится – выйди и голоси;
И тебя услышат, и ты без слов услышишь –
Каждый день мы ближе, с каждым шагом ближе...*

«Думай сам», рэп-группа «25/17»

Пролог

– Что ты чувствуешь, Лихота? – спрашивает Сашка Травень.
– Азарт, адреналиновый мандраж, как перед дракой, – отвечает Савка Лихота.
– Який, який? – таращит глаза Иван Половинка.
– Адреналиновый! – Савка сплевывает. Белесый шлепок уплывает назад, за корму «брони». Иван не унимается:

– Шо ты мне слова темны говоришь в такую годину?
– Мальбрук в поход собрался... – вздыхает Лихота.

Движок «брони» ревет, заглушая окончание савкиной фразы. Тело БМП под ними дергается, плавно ускоряет ход. Машины в колонне – вереница тентованных «Уралов» в сопровождении нескольких БМП – подобны бусинам, нанизанным на леску, за конец которой тянет невидимая рука. Их машина – вторая в длинной «гусенице» конвоя, медленно ползущего между холмами. Колонна втягивается в ущелье Апушелла. Местность здесь, словно грудь великана на вдохе, становится всё выше и выше.

Расположение десанта на «бронь», как обычно, соответствует негласному регламенту. На ребристых листах и по бокам башни располагаются старослужащие. Это лучшие места на «бронь». Под стволом пушки – командирское место. На корме, на ящиках с боеприпасами и прочим барахлом, сидят молодые солдаты, в том числе сам Травень и его земляки, Лихота и Половинка. Как-то здесь притерся и артиллерийский наводчик Тихомиров – вонючий, скотоподобный, но по-скотски полезный человек.

Впереди движется БМП сержанта Канашкина. Синий выхлоп смешивается с серой пылью, образуя причудливые облачка. Сашка любит ими. Красиво.

Склоны пологих холмов, похожие на путников в пыльных плащах, расселись вдоль дороги, укрылись плащами с головой, защищаясь от ночного холода. Мелкая серая пыль покрывает каждый камень. От вездесущей субстанции свободна лишь ярчайшая, даже в ранний, утренний час, лазурь неба да блестящая синь воды. Гремучий поток катится, обвиваясь вокруг подножий холмов, узкая, бетонная дорога преследует его, повторяя каждый изгиб.

На плоской вершине одного из холмов, самого высокого в округе, разбросаны разновеликие кубики – домишки аборигенов. Скоро их плоские, по местному обычаю, крыши скроются из вида. С большого расстояния окна кажутся черными дырами, неправильной, продолговатой формы.

На противоположной стороне потока, на пологом берегу, под боком невысокого холма притулилась купа голых деревьев – сад. Скоро зацветут абрикосы и их корявые силуэты потонут в розовой дымке, но пока ночи слишком холодны.

«Броня» морозит зад. Сашка терпит, стараясь не слишком громко стучать зубами. Гусеницы БМП поднимают тучи пыли. Скоро она покроет и людей на «бронь», и сами машины слоем толщиной в палец. Тогда они станут полноценной частью ландшафта, а это – лучшая форма маскировки.

Колонна движется медленно, со скоростью человека, идущего прогулочным шагом. Перед головной БМП шагают ребята из саперного взвода. На каждом – по два бронезилета, у каждого в руках – щуп. Солдаты никуда не торопятся, не слышат надсадного рева движков за спинами – их уши закрыты наушниками, их внимание отдано дороге. Саперы сосредоточены, им недосуг рассматривать серо-голубой, опостылевший пейзаж. Несмотря на утренний холод, лбы их покрывает испарина.

Примерно через двадцать минут, когда напряжение выпьет все их силы, рядовые саперного взвода Савва Лихота, Александр Травень и Иван Половинка сменят их. Они будут также

шагать со щупами в руках до тех пор, пока свирепое светило Кандагара не поднимется к зениту, чтобы раскалить железо. Но до этого всякое может случиться.

* * *

Первая ракета ударила по тентованному «Уралу» позади них. Грузовик вспыхнул пионерским костром. Вторая прилетела почти одновременно с первой и ударила в полотно дороги перед головной БМП. Машина подпрыгнула, как резиновый мячик. Лихота, Половинка и Тихомиров вцепились в ледяную броню. Сашка же, наоборот, приподнялся. Но рассмотреть что-либо не представлялось возможным: клубы дыма скрыли и саперов – их товарищей, и головную машину.

– Канашкин горит! – завопил кто-то.

В ответ на звук человеческого голоса серо-голубой пейзаж взорвался тысячей огней. Рев дизелей стал не слышен за грохотом разрывов и треском очередей. Люди онемели. Казалось, их широко раскрытые рты не способны исторгнуть ни звука.

Сашка скатился с брони на обочину. Он знал, что должен делать. Сначала надо переждать ракетный залп, а потом он увидит над срезом вершины придорожного холма свою первую цель. О, вот и она! Темный силуэт мелькнул, скрылся, снова возник. Выстрел. Отдача. Мишень исчезла из поля зрения. Следующая появилась чуть правее первой. Выстрел. Отдача. Меняем позицию. Где товарищи?..

Сашка огляделся. Лихота цел, прижался к «броню», будто к матери родной, но стреляет прицельно – значит, первый приступ паники миновал. Где же Ванька?.. А, вот и он! Кувырок через правое плечо – и Травень рядом с Половинкой.

– Надо снять с «брони» гранатомет! – орет Ванька. – Там за рудой каменюкою бабаи гнезятся. Туда шмальнуть надо! Тогда бою конец!

О, этот глас весеннего лося! Грохот, треск, вой боя – всё победил истошный рев Половинки. Иван махнул рукой в сторону большого куска скалы. Лучшего места для засады не найти. Огромная глыба с острыми краями, скрывающая изгиб дороги, плюется вертикальными огнями. Сколько раз капитан Алексеев хотел её взорвать. Руки не дошли. А теперь из-за неё работает миномет.

Сашка полез на «броню». Там, на корме, полно всякого добра, в числе прочего и труба гранатомета. Надо снять его, расчехлить, поставить на станину. И всё это – под огнём. Он уже слышал знакомый стрекот – самый сладостный из земных звуков. Вертушки на подлете. Скоро всё закончится. В таких случаях бабаи соображают быстро. На такой случай умное словцо есть у Савки. Но какое?.. Надо вспомнить и тогда всё будет хорошо! Савка, Ванька, где они?.. Травень скатывается с кормы, вертит головой. Вот они, бабаи. Ползут на карачках. Куда?.. Сашка наконец видит своих друзей.

Савка и Иван не отстреливаются. Почему?.. Родимая, чужая, возлюбленная и ненавистная пыль Кандагара! Зачем эта земля хочет сохранить их жизни? Зачем пытается защитить, укрыв своим серым плащом? Лихота и Половинка едва видны на фоне серой стены утеса. Оба замерли, прикрыли рты, опустили веки, затаились. Ванька скупыми движениями тискает спусковой механизм ПК. Дурачок! Разве не понятно, что произошло? Разрыв патрона в патроннике. Надо шомполом выбивать, а у Ивана шомпола нет.

Лихота тоже в заднице. У него в руках чужой автомат. Наводчик Тихомиров – козел! – его по жизни никогда не чистил. Савке не по силам передернуть затворную раму руками, надо наступить ногой. Но Лихота сейчас это сделать не в состоянии – ему нельзя шевелиться. Духи сползаются к ним, как тараканы к ядовитой приманке. Лихота берет автомат за ствол. Похоже, собирается их прикладом глушить. Но почему бабаи не стреляют, ведь пацаны фактически безоружны?..

Сашке вспомнились глинобитные дувалы, похожие на огромные, самодельные плоски, каменные стены горных крепостей, возведенные на крутых склонах. В этих горах есть такие места, куда только крылатые твари залетают беспрепятственно, да суховейные ветра, да вертушки. Но эти, последние, – с немалым риском. Придешь туда своими ногами – обратную дорогу не скоро найдешь.

Вспомнились ему замкнутые лица местных стариков – синие глаза на смуглых, иссеченных годами лицах. Припомнилась и юная красотка. Ее вороные, выющиеся локоны, выбившиеся из-под полосатой шали обрамляли нежную округлость щек, лепестки губ трепетали под черной дырой посередине лица. Сашка помнил, как онемев от изумления, бесцеремонно рассматривал подернутую розовой пленкой молодой кожи, недавно зажившую рану на месте начисто оторванного носа. Вспомнил прямой, бесстрастный взгляд девичьих глаз. Она дала Сашке напиться. Не прогнала, не заругала...

Бабаи коварны, и они никогда не сдадутся. А пацанов они хотят забрать себе.

Вот оно, Савкино словцо!

– Р-р-ретирада-а-а! – вопит Травень.

Его голос сливается с грохотом первого разрыва – это вертушки выпустили партию НАРов. Холмы содрогнулись, стряхивая с плеч тончайшую пыль. Облив пространство перед собой свинцом, Сашка кинулся вперед. Главное не горячиться. Стрелять короткими очередями, стараться не выпускать из вида цели и чаще видеть пацанов. А там, как Бог поможет.

Он заметил ответное движение. Вроде бы Лихота кинулся ему навстречу. Пуля ударила в бронежилет. Сашку опрокинуло на спину. Мгновения капали ему на лоб, как вода из сломанного водопроводного крана: одно, второе, третье... перерыв. Потом бормочущие, словно сквозь вату, знакомые голоса.

– Нет, всё нормально...

– ...видишь кровь?!

– ...это просто ушиб...

– ...контузия. Поднимайся, Травень.

И громко, гаубичным залпом в самое ухо:

– Сашко! Ноги!

Оглушенный недалними разрывами НАРов, с трудом удерживаясь на выскальзывающей из-под ног земле, Травень всё-таки достиг отвесного склона – желанной точки серо-голубого пространства, где заняли оборону его товарищи. В руке у Ивана появился нож, а Лихота, похоже, надумал использовать автомат козла-наводчика, как богатырскую палицу. Бабаи не торопятся, залегли. Прикидывают свои возможности. И снова вода из крана: кап, кап, кап... Нет, не любят бабаи рукопашного боя. Исчезают один за другим, растворяясь в серо-голубом пейзаже.

Теперь можно и по сторонам посмотреть. В черном дыму, в облаках серой пыли Сашка разглядел призрачные фигуры. Там языки пламени дожирали подбитый «Урал». Изуродованный остов БМП сержанта Канашкина почернел от копоти. Где же башня? Ах, вон она, валяется в реке... Белые барашки пенятся, заворачиваются спиралями вокруг обожженного куска железа. Горькая пороховая вонь, приторный, тошнотворный запах горелого мяса лезли через гортань в желудок, заставляя его содрогаться. Наверное, надо что-то предпринять. Спросить у Лихоты: где командиры?

Сашка делает шаг вперед. Кто-то резко толкает его в спину между лопаток. Вот досада! Сначала удар в грудь и вот теперь – спина. Он делает второй шаг и спотыкается о свой бронежилет.

– Что с тобой, Сашко?! Сашко!..

Голос Лихоты едва слышен, а самого Савки и вовсе не видеть. Сашка утыкается носом в пыль. Жесткий камень Кандагара пахнет кровью. Дышать трудно. Сашка хватается ртом удуш-

ливый смрад, давится им, кашляет. Вдоль спины, между лопаток ползает холодная, шершавая змея. Тварь кусает его тело, кровь течет обильно, но сильной боли пока нет. Он слышит голоса.

– Треба поднимать его, Лихота. Сам он не ходок. А ну-ка!..

Иван возносит друга к небу, как ангел Господень. Боже, как высоко!.. Пропыленная обувка остается где-то далеко внизу. Или Половинка отделил его от ног и сделал своим однофамильцем?.. По спине, просачиваясь под ремень, стекает влажное тепло. Запах крови становится невыносимым.

– Что со мной?.. – гудит Сашка.

Душно, в горле першит, но он пытается сдержать кашель. Непосильная задача. Боль пронзает его от макушки до пяток, заставляя окоченеть. Зато теперь он понимает: ноги целы, он чувствует их тяжесть, обе при нём.

– Ранение в спину, – слышит Сашка голос Лихоты.

Савва подставляет ему левое плечо, Иван – правое.

– Надо двигаться, – говорит Лихота.

– Куда? Глянь, дым...

– Туда!

Савва решительно ведет их в сторону дымного облака. Сашка старается задержать дыхание, чтобы не раскашляться в густом дыму, но тот лезет в глаза, всепроникающими пальцами царапает в носу. Не закашляешься, так чихнешь. И Сашка чихает.

Становится легче. Лихота вынимает из-под его руки своё твердое плечо и укладывает на что-то мягкое, невесомое, живое. Нечто, непрестанно движущееся, обволакивает его, ласкает тысячью влажных языков. Щекотно. Хочется смеяться. А боли нет... Она выпита до дна странной, ласковой субстанцией. Счастливое забытье разрывает лающий кашель Лихоты и Ванькин плачущий голос:

– Он потерял сознание! Швыдше, Савка, не то помре!..

Сашка размыкает веки. Глаза слезятся, но дым пропал, оставив по себе только едкий смрад. Голова гудит. Он едва различает звуки, словно уши заложены ватой. Хочется потрясти головой, но он уже знает, что последует за этим: боль вернется.

Перед ним возникает черное, лоснящееся лицо офицера. Глаза капитана Алексева воспалены, как у обкуренного бабая. Камуфляж покрыт слоем серой пыли. На левом плече – багровое пятно. Видать, и его задело.

– Кто такие? – спрашивает капитан.

Не признал.

– Рядовые Лихота, Травень и Половинка. Десантно-штурмовой батальон семидесятой омэсэбэр, саперная рота.

– По первому году?

– Да, – отвечают Савка и Иван хором.

– Ясно.

Капитан обходит их со спины. Сашку трясет. Левое плечо Ивана проседает под ним. Слабеет, братишка. Вот-вот упадет.

– Ещё сто метров, ребята, – голос капитана едва сочился сквозь плотную вату, навязшую в сашкиных ушах. – Там передвижной приемно-сортировочный пункт. Шагайте. Иначе он кровью истечет.

Скалы ущелья Апушелла равнодушно смотрят на них. Скоро багровые пятна на их плащах затянет серой пылью, и жизнь на берегах шумного потока пойдет своим чередом. Перемены здесь мимолетны, а горы – вечны. Всё-всё покроет серая пыль.

– Ну что, бача? Мы все ещё живы? – тихо спрашивает Лихота.

– Ты точно – да. А я... – Сашка старается улыбнуться.

– Спине больно?

– Эх...

– Ничего, Сашко, – пытит Иван. – Ты вважай так: це крылы проризаються. Скоро ти злетишь.

Часть первая

Колонна прибыла раньше расчетного времени. Ночь ещё не успела наступить, когда фары первой фуры ударили снопами света в дорожный знак, черные буквы на белом фоне: «Пустополье». Колонна подошла к городишке с южной стороны, когда немногочисленные жители обезлюдившей окраины ещё не отошли ко сну.

Сильвестр озирает последствия первого удара «градов» – удара устрашения. Той ночью накрыло южную окраину Пустополя. Именно в этих местах квартировал Барцу Бакаров – позывной Чулок – самый занозистый из бригады Землекопов. Капитальное сооружение, сложенное из железобетонных плит, пострадало меньше других построек. Совсем другое дело – одноэтажные щитовые или саманные домишки. Удар ракеты превращал такое строение в груды ни на что не годного мусора. В ту ночь погибло полтора десятка человек, но Барцу Бакаров конечно же уцелел.

Первые недели в Пустополе Сильвестр пытался вникнуть в причины противостояния Пастухов и Землекопов. Наверное, в идеологии каждой группы содержались глубинные, непонятные для чужака различия. Лихота платил своим сторонникам. Станиславу Рею, позывной Матадор, жители Пустополя платили за защиту. От кого?..

Сильвестр ворошил ботинком оттаявший, прошлогодний пепел. Беды Пустополя начались с этого самого, первого залпа. Спровоцировал атаку Барцу Бакаров. Операцией руководил лично Сильвестр. Удачный залп. Вот они, руины невзрачного домишки местной любовницы Барцу. Женщина погибла в ту ночь, а Барцу ушел. С того всё и началось.

Стороны обменивались ударами, как боксеры на ринге. Ненавистью отвечали на ненависть, нищету заедали грабежом. Ни о тактике, ни о тем более стратегии никто понятия не имел. Население Пустополя жило в постоянном страхе перед новыми атаками и не видело будущего. Так называемые защитники городка периодически атаковали резиденцию хозяина этих мест – Саввы Лихоты – в надежде отбить пусковые установки «градов», приобретенные тем по случаю в целях самообороны. Но каждый пуск обходился хозяину края в кругленькую сумму.

Сильвестр предложил Лихоте рассмотреть возможность продажи одной установки командиру Землекопов. Матадор взял паузу, а через неделю в соседнем районе кто-то ограбил и сжег броневичок инкассаторов. Но, видимо, добыча оказалась не богатой. Теперь Матадор торговался, жадничал, а может быть, всё ещё надеялся завладеть вожаемым «градом» безвозмездно.

Сильвестр скучал. В таких местах сложно выстроить по-настоящему прибыльный бизнес. Население неплатежеспособно. Оно предпочитает красть. Никто не хочет наниматься на работу. Рассчитывают на помощь Христа ради, а сами и в Бога-то не верят. Сильвестр ждал прибытия новой партии товара, уже не рассчитывая на барыши. Предыдущая партия в полном объеме и безвозвратно была утрачена, похерена, похищена, растворена в лужах, до краев заполнявших выбоины здешних дорог, сожжена в кострах бездомных, толпами шатающихся по здешним дорогам.

* * *

Первая фура шла с зажженными огнями. У остальных горели лишь габариты – Вестник не изменил своей обычной осторожности. Но вот огни машин погасли. Утихло урчание автомобильных движков. Навалилась черная, оглушительная тишина. Только мелкий дождичек

тарабанил по ветровому стеклу джипа. Лето не бывает бесконечным, особенно в таких местах, как это. Одно название чего стоит: Пустополье!

Капельки скатывались вниз по ветровому стеклу, оставляя за собой ясно различимые следы. В этих местах всё пропитано угольной пылью, даже тучи, даже дождь. Если не оросить ветровое стекло жидкостью из автомобильного бачка, то на утро на стекле обнаружатся темно-коричневые разводы.

Издержки войны. Приходится мириться со многим. Чужая пища, непривычный климат, испорченный промышленными выбросами воздух, иррациональное поведение местного населения, полное отсутствие достойных женщин, которое, впрочем, хоть отчасти, но компенсируется доступностью остальных. Солдат много может вынести – перетерпит и это.

Пространство между джипом и кабиной головной фуры слабо освещалось габаритными огнями «тойоты». Сильвестр мог видеть, как дверь кабины распахнулась, и на землю прыгнул высокий человек в камуфляже. Через мгновение его угловатую фигуру поглотила ночная чернота, но ещё через мгновение Вестник возник в световом потоке, создаваемом фарами джипа. Он нёс в обеих руках большие клетчатые сумки невероятной прочности и грузоподъемности – практичное изобретение азиатов. В таких сумках местное население носило всё. Вот ещё одно слово: тара. Тара – это стеклянная бутылка для «Джим Бима», тара – это пластиковый стаканчик, и такая вот клетчатая сумка – тоже тара.

Вестник бежал неловко. Так могут перемещаться по суше совсем не приспособленные для бега существа, цапли, например. Путаясь, ударяя сумками по высоким голенищам, он преодолел расстояние, отделявшее его от джипа Сильвестра, за считанные секунды. Они сошлись у заднего бампера «тойоты». Вестник поставил сумки на пол багажника. Сильвестр заговорил с ним на португальском языке, потому что беловолосая женщина не спала и, как обычно, была настороже. Ее усталое, искаженное досадой лицо виднелось над спинкой заднего сиденья.

– Как дорога? – дежурно поинтересовался Сильвестр.

– Добрались бы без приключений, если бы не одно обстоятельство, – пропыхтел Вестник.

– Что?

– Их разведчица. Сидела на ретрансляторе мобильной связи. Забралась на ферму, – португальский Вестника грешил скользким южноанглийским акцентом.

– Опять женщина? – Беловолосая неотрывно смотрела на его лицо, отслеживала каждое движение губ. Сильвестру пришлось изобразить игривую улыбку. Мало ли что!

– Всегда одна и та же женщина, – кивнул Вестник. – Не получается её снять. Ловкая.

Последнее слово он произнес по-русски. Беловолосая вздрогнула, заволновалась. Сильвестр с силой захлопнул дверь багажника. Обе клетчатые сумки остались внутри. В каждой – не менее ста граммов. По здешним меркам – целое состояние! Надо торопиться. По обочинам дороги уже бродили, сбиваясь в кучки, тени. Жители южной окраины Пустополя стекались к автомобилям с гуманитарной помощью.

– Ждите до утра! – рявкнул Вестник в темноту. – Мы не станем возиться с коробами ночью. Сутки провели в дороге...

Он помолчал, подбирая нужное слово. И оно нашлось.

– Милосердствуйте. Мы устали.

Да, русский язык Вестника оказался намного лучше португальского.

* * *

Сильвестр запрыгнул на водительское место. Беловолосая тут же оказалась рядом, на переднем пассажирском сиденье. Замечательна эта способность русских женщин – перебираться с заднего сиденья на переднее, не покидая автомобиля! Так сильно не хотела сидеть плечом к плечу с Вестником, который смиренно устроился за спиной водителя?

Сильвестр завел двигатель, включил дальний свет. Лучи ксеноновых фонарей разогнали в стороны причудливые тени. Русские, как правило, предпочитают темную, бесформенную одежду или камуфляж. Никто не хочет выделяться. Западные СМИ метко нарекли их нацией рабов. Он смог рассмотреть несколько лиц. На всех одно и то же выражение – унылое, затрапезное коварство.

Затрапезный – ещё одно странное русское слово. Сильвестр часто использует его не к месту. Почему не сказать просто: бедный, грязный, ленивый? К чему эти изыски? Но русские часто смотрят на него с кривыми, льстивыми ухмылками, и ему это нравится. Сильвестр умеет заставлять русских повиноваться. И этот джип так же, повинувшись его воле, сейчас тронется с места, покатится по черному проселку.

– О чем тоскует мой коханчик? – елеинным голоском спросила Беловолосая.

– Поздно уже. Порядочным людям пора отходить ко сну, – угрюмо отозвался Сильвестр, выводя «тойоту» на шоссе. – Ну, показывай, где этот твой лес?..

* * *

Беловолосая хорошо знала дорогу, ни разу не ошиблась, не запуталась в хитросплетении степных проселков. Соображает! Многих достоинств женщина – трудолюбивая, безотказная, но как же любит поговорить! И ночь ей слишком темна, и погода слишком дождлива, и муж у неё ревнив и мнителен.

– Я заплачу, – время от времени повторял Сильвестр. – Все твои тревоги будут щедро оплачены, дорогая!

Он предпочитал не опускаться до долгих объяснений. Простой русской женщине не понять, почему для настоящего дела ночь предпочтительнее дня. Ночью можно делать любые дела. Днем Сильвестру было скучно смотреть на чужую плоскую степь, обезображенную конусами терриконов. А ночью, когда пейзаж скрывала темнота, фары «тойоты» ломали правильные контуры предметов, оживляя странные, назойливые тени. Призрачные существа одобрительно смотрели с обочин на лаковые бока заморского авто. Так в этих местах зеваки провожают восторженными взглядами колонны праздничного парада.

Азиаты любят парады. У них всё напоказ: и геройство, и блуд. Процесс всегда важнее результата.

Беловолосая сидела рядом, положив босые ступни на торпеду. На среднем пальце её правой ноги поблескивало белым металлом колечко. Сильвестр осторожно поглядывал на её ноги. Броский лак на кривых пальцах. Щиколотки широкие, на лодыжках первые звездочки варикоза, но кожа пока гладкая и блестит.

Беловолосая густо подводила глаза, завивала волосы крутыми кудрями и даже в прохладную погоду носила вызывающе короткие шорты. Зов плоти! Ни страх, ни голод ему не помеха. Беловолосая нарочно выставила на обозрение ноги. Кого она пытается обольстить? Его, Сильвестра, или всё-таки Вестника?..

Но тот никак не реагирует на прелести местной фемины. Сухое лицо его, закрыто на все замки, как покинутый хозяевами дом. Черты неописуемо просты. Протоколы местной полиции описали бы его так: особых примет не имеет. Кроме, пожалуй, одной. В вырезе камуфляжной куртки, там, где из-под брезента выглядывает полосатый тельник, у основания шеи, виден розовый край свежего, едва зажившего шрама.

Рассеянному наблюдателю могло бы показаться, будто Вестник дремлет. Но Беловолосая поглядывает на руки Вестника, сжимающие автомат. Оружие снято с предохранителя, и Беловолосая знает об этом.

Почему Вестник не рожден на свет боязливым пацифистом из тех, что любят неспешные велосипедные прогулки и готовы часами смотреть в мертвую воду каналов? Немного мариху-

аны, качественный алкоголь и ласки чисто вымытой, добросовестно исполняющей свои обязанности, не старой женщины – большего и не надо для счастья такому джентельмену. Тем не менее он здесь взбивает тяжелыми подошвами черную пыль, сутками торчит за рулем фуры. Пожалуй, он и сам добросовестный.

Добросовестный – вот ещё одно странное русское слово, не обремененное однозначно трактуемым смыслом. Сильвестр умеет вживаться в ландшафт. Вот он уже и мыслит абстрактными понятиями, свойственными местному населению.

Сильвестр сдержанно улыбался своим мыслям до тех пор, пока они не добрались до леса. Дорога отгородилась от степи частокотом тонких стволов и густым подлеском. Колея сделалась глубже, местами напоминая противотанковый ров. Сильвестр перевел вариатор коробки передач в механический режим функционирования.

– Позволь мне сесть за руль, – предложил Вестник по-русски, и они поменялись местами.

Сильвестр следил, как Вестник управляет с автомобилем, будто и не было долгого пути за рулем фуры. Его товарищ не только добросовестен, но и неутомим. Товарищ – тоже хорошее слово, в которое русские вкладывают свой, особый, посконный смысл.

– Посконный товарищ, – пробормотал Сильвестр, и Беловолосая обернулась.

Женщина уставилась на него с нескрываеомой тревогой. Русские всегда так реагируют, когда он оперирует их понятиями. Наверное, профессор-биолог из Берлинского зоопарка – давнишний приятель Сильвестра – так же смотрел бы на моржа, вдруг заговорившего с ним на верхнегерманском диалекте.

– Налево... направо... – командовала Беловолосая.

Световые лучи метались из стороны в сторону. Они долго петляли по лесным проселкам.

Беловолосая опускает стекло. Душный, пахивающий амиачными дымами воздух затекает в салон автомобиля. Начало осени. Термометр на панели «тойоты» показывает десять градусов по Цельсию. По местным меркам – теплынь.

Фары «тойоты» освещали глубокую колею. Вестник вел автомобиль со всей возможной осторожностью. Сильвестр блаженствовал на заднем сиденье. Салон «тойоты» просторен, эргономичен, красив, но всё же Сильвестр больше любил немецкие машины.

Местное население почему-то хранило приверженность отечественному автопрому. Лишь те, кто побогаче, предпочитали пожилых «японцев». Немецких машин в окрестностях Пустополья не было, и «Мерседес G-класс» Сильвестра слишком бросался бы в глаза. Потому, по прибытии в Пустополье, Сильвестр обзавелся транспортом средней обшарпанности. Крыша кузова, двери, салон «тойоты» несли следы многочисленных боевых испытаний. Но двигатель и подвеска были в полном порядке.

Считая местные дороги убийцами автомобилей, Сильвестр берег свою «тойоту», водил автомобиль с максимальной осторожностью и одобрял стиль вождения товарища. Надежная осмотрительность – самая приятная из черт Вестника – делала его хорошим водителем.

Частокот деревьев редел, а подлесок и вовсе исчез. Почва под кронами сделалась бугристой, словно её перекопали полчища барсуков. Теперь в свете фар лесное подбрюшье просматривалось на десятки метров.

– Стой! – внезапно закричала Беловолосая. – Вот она, копанка. Видишь?

Они выбрались наружу, под мелкий дождичек. Вестник не стал глушить двигатель. Тихое шуршание капель по жухлой листве, урчание холостых оборотов да звуки шагов – вот ингредиенты тишины пустого леса.

Белый ксеноновый свет вычленил из темноты ветхое сооружение, кое-как слепленное из жердин – навес на хлипких подпорках. Навес прикрывал вход в землянку.

Сильвестр подошел поближе. Старая, обитая облезлым дерматином дверь оказалась незапертой. Чтобы осмотреть внутренность землянки, пришлось воспользоваться фонариком.

Послушный воле Сильвестра луч осветил грязные, сложенные из тех же жердин стены, убогий скарб, уложенный вдоль них. Хлипкие стропила подпирали бревенчатый потолок.

Сильвестр хотел осмотреть лаз под землю, но передумал – слишком уж спертым оказался воздух внутри землянки. Он выбрался наружу, обошел копанку кругом. Снаружи потолочные стропила прикрывала черная, заросшая редкой травкой земля. Перед входом в копанку лежало несколько мешков с приготовленным к отправке углем.

Между редких стволов тут и там виднелись темные груды шлака. Вестник хлопотал возле джипа. Скоро он предстал перед Сильвестром в брезентовой ветровке, штанах и каске. Светодиодный фонарик на эластичном ремешке болтался у него на груди. Такие фонарики любят смельчаки, отваживающиеся спускаться под землю. Источник света крепится к шахтерской каске и освещает дорогу в преисподнюю. А вот и её врата – неиссякаемый источник первобытного мрака. Осанна смелым, до наступления посмертия вступающим в первый круг! В этих местах подобной отвагой обладают все без разбора: и мужчины, и женщины, и дети, и старики.

Кто трудолюбив и оборотист, тот не голодает. Ах, вот ещё одно слово: оборотистый! Говорят, и Вестник подтвердил уж ему эти слухи, будто вся земля в окрестностях Пустополья изрыта подземными ходами. Карты, схемы, ориентиры – всё в головах местных жителей. Из этих недр они извлекают свой хлеб насущный. «Черное золото» – так они называют каменный уголь.

Вот и сейчас, в свете ксеноновых фар обшарпанной заморской машины, оно горит мириадами разноцветных искр. Немалая гора его насыпана перед входом в зияющий чернотой лаз. Беловолосая – хозяйка этой горы – выбросила из багажника «тойоты» кипу пустых мешков. Надеется наполнить их добычей, которую впоследствии рассчитывает продать.

Тело Беловолосой теперь тоже прикрыто соответствующей случаю одеждой – брезентовым комбинезоном. Она обула тяжелые армейские ботинки, прикрыла голову каской. Яркая лампа на каске уже зажжена. Беловолосая чрезвычайно подвижна, и облако света, отбрасываемое её фонарем, мечется в душном воздухе из стороны в сторону. Израненные, чахлые деревья сторонятся его, будто оно горячо, будто не свет аккумуляторной лампы, а разогретый подземный газ, вырвавшийся на поверхность, мечется между стволами с намерением сжечь этот несчастный лес.

Сильвестр принялся перекладывать обернутые газетами кульки из клетчатых сумок в приготовленные заранее, объемистые рюкзаки. Один из них Вестник повесит себе на живот, другой – за спину. Вестник помогал ему, извлекая со дна сумок, из-под вороха цветных, дешевых тряпок аккуратные свертки.

– Валюта? – тихо спросил Сильвестр по-португальски.

– Немного местной дряни. Разве это валюта?

– Я слышал переговоры Землекопов. Недалеко от Благоденствия кто-то опять напал на инкассаторов.

Световой луч замер. Беловолосая стала прислушиваться к их разговору.

– Не оставлять же им? – вздохнул Вестник. – Деньги для них – лишняя обуза. Мы их и так кормим. А остальное – зачем?

Луч фонарика Беловолосой осветил внутренность багажника, когда с упаковкой «товара» было уже покончено. Вестник ловко обвешался рюкзаками.

– Там оружие не нужно, не бери, – бросила женщина. – Под землей нечего стрематься. Тут и не глубоко.

Не дожидаясь ответа, она исчезла в черном зеве копанки. Сильвестр видел, как мечется облако света от её фонаря. Вестник посмотрел на Сильвестра. Лицо его на миг обрело вопрошательное выражение.

– Не сейчас, – сказал Сильвестр по-русски. – Пусть она выйдет наверх. В этом лесу она знает ещё много «дыр». Они могут понадобиться нам.

Вестник коротко кивнул, прежде чем последовать за Беловолосой.

* * *

Она вернулась из «дыры» совсем скоро.

– Услал меня. Секреты у него. Та те секреты белым мелом по кирпичу писаны.

Выражение усталого довольства на лице чрезвычайно шло ей. Сильвестр ответил улыбкой, искренне стараясь не замечать теней у неё под глазами. А она, уверенная в значимости своих женских чар, с показной опаской посматривала на его автомат.

– Шо лыбишься, офицерье? Дал бы мне на поживу толику порошку.

Сильвестр достал из кармана заранее оговоренную и приготовленную плату – деньги и порошок – и протянул ей. «Вихрь» он не снимал с предохранителя. Удерживал с нежностью, как грудное дитя, на сгибе левой руки.

– Та на шо мне столько денег? – на лице Беловолосой возникла заискивающая, подпорченная неуклюжим лукавством улыбка. – Та мне и половины много буде! Дай порошку побольше!

– Бери! – Сильвестр чуть ли не насильно сунул в её перепачканные угольной пылью руки две скомканные розовые бумажки и крошечный, хорошо запаянный целлофановый пакет.

Беловолосая оживилась. Евровалюта! А сумма! Целое состояние! Пакет же она, не разглядывая, сунула под комбинезон. Наверное, спрятала в карман шорт.

– Добренький, – она положила ладонь ему на грудь. – Може, ещё как подможешь женшине. Чи шо?

– Отдай деньги мужу, – был ответ.

– Та зачемо? – она всё ещё пыталась казаться лукавой, играла глазами, стаскивая с себя перепачканный угольной пылью комбинезон. – Я сама могу распорядиться. Не хочешь любиться, так дай еще порошка.

Взгляд Беловолосой был так же навязчив, как затяжной, осенний дождь.

– Мой муж старый, бухает, бестолковэ, не зробряет. – Она зачем-то подмигнула. – Шо и премьи не будет? Подмогни, коханчик!

Где-то невдалеке заурчал экскаватор. Сильвестр на мгновение задумался. Ах, да! До окраины Благоденствия – коттеджного поселка, пригорода Пустополя – должно быть не более километра. Значит, рычаг мотором друзья-Пастухи из бригады Лихоты, ковыряют черную землю, строят Божий храм. Работают основательно, будто сотню лет собираются грехи замазывать. Выходных, праздников, каникул не знают, а если таковые и случаются – крушат Пустополье ракетами ближнего радиуса действия.

Вороватое население этой страны жаждет войны, как голодный хлеба, как грешник спасения. А под шумок и мародерствуют. Тащат всё. Первая партия порошка, не менее сто двадцати граммов исчезла прямо из апартаментов Сильвестра в доме Лихоты. Обратиться за помощью непосредственно к хозяину показалось неразумным. Савва Олегович состоял в столь сложных отношениях с Господом Богом, так что предвидеть его реакцию на бизнес Сильвестра не представлялось возможным.

Вторая партия наркотиков была закамуфлирована под средства гигиены для детей ясельного возраста. Шифровались так, словно на хвосте уже сидел Интерпол. Не помогло. После долгих, трудоемких розысков, обгоревший жигуленок и пустые, оплавленные упаковки из-под памперсов в нём нашлись на одной из окраинных свалок Пустополя. Осмотрев пожарище, Сильвестр пришел к заключению: автомобиль курьера выжгли огнеметом, не освободив его от ценного груза. Пришлось менять схему работы.

Нынешнюю партию «зубного порошка» их партнер закатал в пуговицы летних девчачьих платьев, что значительно увеличило объем товара в упакованном виде. Сильвестр заме-

чал подозрительные взгляды Беловолосой. Действительно, странно. Зачем бы ему, как говорят в этих местах, трезвому и надежному мужику прятать партию трикотажа в дикой «дырке»? Почему просто не хранить её в платяном шкафу? Почему не арендовать склад? Да и к лицу ли ему мелкая тряпочная торговля? Впрочем, Сильвестра всегда впечатляла толерантность русских женщин к поступкам своих избранников.

Сильвестр поглядывал на «дыру». Вестник всё не появлялся. Следующую партию порошка они замаскируют под гуманитарный груз. Их азиатский партнер разместит товар в крышках консервов. Маринованные огурчики! Редчайшая гадость, которую местное население потребляет тоннами. Транспорт доложат пластиком вперемешку со слесарным крепежом на тот случай, если похититель обнаглеет и вздумает жечь «газель» из огнемета. В таком случае можно будет обойтись и без помощи Беловолосой, а то уж больно она стала внимательной к их делам!

– Ты лучше расскажи, где потеряла капитана?

Ожила рация. Вестник говорил по-английски.

– Я близко, командир. Время подхода пять – десять минут.

Беловолосая не солгала, шахта действительно была неглубокой, рация работала хорошо. Женщина убрала волосы с ушей, но как ни старалась – не смогла разобрать ни слова в английской фразе Капитана.

Надо убираться отсюда. А Беловолосая пусть добирается до дома на попутках. Пусть экскаваторщик Пастухов ей поможет. Станные люди! Сама замужем за Землекопом, а младший брат работает на Лихоту и его Пастухов. В любом случае такая баба не пропадет, пока они с Вестником ей не помогут сгинуть.

На улице прохладно, раннее утро, осень, а она в шортах и тонкой курточке. Модница! И не холодной ей?

– Мамо!

Сильвестр обернулся на голос, молниеносным движением снимая оружие с предохранителя. Они стояли рядом и просто, безо всякого выражения смотрели на них – две девочки, совсем разные, но всё-таки сестры. Держались за руки – ладонь в ладони – привычным для обеих, сестринским жестом. Но какими же несхожими могут быть дети из одной семьи!

Меньшая – крупная, такая же широкобедрая, как Беловолосая. Светлые волосы заплетены в косы, глаза пронзительного, фиалкового цвета. Одета в старомодное, цветастое, давно не стиранное платье. Колготки на коленях кое-как заштопаны. Кофточка и шапка крупной вязки, на шее – цветастый платок. Такие носят в этих местах старухи. Она переминалась с ноги на ногу, словно стыдясь своих сильно заношенных сапог, на одном из которых, к тому же разошлась молния и его пришлось перевязать веревкой.

Старшая – чуть выше младшей, тоненькая, прямая. Блестящие, темные локоны ниспадают до середины груди, глаза – темные, бездонные колодцы, щеки и лоб – белый мрамор, губы – лепестки экзотического цветка. Одета в ветровку камуфляжного окраса и мешковатые, армейские брюки. Одежда велика ей. Рукава и низ брюк аккуратно подвернуты, за спиной объёмистый рюкзак. Что в нём? Трудно понять. Зато в правом кармане куртки девчонка держит плотный, увесистый предмет. Возможно, пистолет. Она сжимает предмет рукой и не сводит глубокого взгляда с Сильвестра, совершенно не обращая внимания на мать, которая щебечет без умолку. Странно! В этих местах всегда то пыль столбом подпирала небо, то грязный дождь льется на землю, а у этой девушки локоны и глаза блестят. Странно...

Сильвестр принял расслабленную позу, опустил автомат дулом вниз, прислушиваясь к сбивчивой речи Беловолосой.

– Та мы туту працуем. Вона дядя угля купил. Топить ему надо. Мерзнет он. Что стоишь? – Беловолосая дернула Сильвестра за рукав. – Открывай багажник-то. Стану мешки совать. А ты, Шуратка, помогай-ка!

Беловолосая кинулась к мешкам. Младшая девчонка устремилась было на помощь матери, но Сильвестр остановил её. Жест получился неловким, пришлось поднять автомат. Он заметил, как дернулась рука старшей девчонки. Она держит в кармане оружие, которым хорошо владеет, при необходимости сумеет быстро извлечь и не побоится применить по прямому назначению. Вестник не появлялся. Беловолосая быстро наполнила пару мешков. Пришлось «совать» их в багажник «тойоты». Ничего, он оставит их на обочине дороги. Пусть местные бездельники поживятся. Закрывая дверь багажника, Сильвестр ещё раз оглянулся на черный провал копанки, а темноволосая девчонка отследила его взгляд. Почему вдруг вспомнились слова Вестника о неуловимом снайпере? Но девчонка не дала додумать правильную мысль.

– Я вижу, как вы працуете. – голос её оказался звонким с едва заметной хрипотцой.

– Не надо беспокоиться, – тихо отозвался Сильвестр.

– А я и не беспокоюсь. Не о чем, – дерзко отозвалась она и добавила, обращаясь к Беловолосой: – Ты прикрылась бы. Для кого ляжки выставила?

– Хамка! У, шахтерский выbleдок! – твякнула в ответ Беловолосая.

Завязалась скучная перебранка. Применяя к дочери очень обидные эпитеты, Беловолосая неизменно обращалась к девушке по имени и называла её Вичкой. Никак не иначе. Девочка некрасиво кривила лицо, говорила быстро, сбивчиво, ругала свою мать, применяя в речи непереводимые на родной язык Сильвестра, короткие, хлесткие слова. Предложения состояли из однокоренных слов, но смысл речей был вполне ясен даже ему, иностранцу. Наверное, девочка хорошо училась в школе и знает толк в родном языке. Особенно часто она произносила вполне приличное и литературное слово «блуд». Сильвестр знал и его – Достоевского счел необходимым прочесть в подлиннике.

– Та кто ж вам позволил подглядывать? – сыпала в ответ дочери Беловолосая. – Та и какой же блуд, Вичка? Це ж деловая встреча. Бизнес. Твой батька денег не мае, приходится мне...

– Мама, мы грибочки сбиралы, – встряла младшая девочка. Губы её заметно дрожали. – Мы не прыглядывали! Ни!

В доказательство своих слов девочка притащила из кустов большую, полупустую корзину.

Старшая не сводила с Сильвестра глаз, Беловолосой будто и не существовало. А та не умолкала, затопляя пространство потоками речей, общий смысл которых сводился к одному: в Пустополье, к отцу девочек, она возвращаться не намерена, а пока перекантуется у их бабушки в соседнем поселке, именуемом Лисичановкой.

Мамаша несколько раз пыталась обнять младшую девочку, но старшая отогнала мать пинком тяжелого ботинка. Новая мода у русских девиц: носить камуфляж и тяжелую армейскую обувь. Тяжелые, мужские ботинки на высокой шнуровке они называют берцами. Сильвестр не любил такую обувь. Возиться со шнурками – что может быть скучнее? Он носил короткие, мягкие сапожки. Один сапожник с Пражского града изготавливал их специально для него.

Но девушка! Вот она, русская гризетка! Эта не станет прятать пистолет за подвязкой чулка. О нет! Она держит оружие в кармане и как бы ни озлилась, не выпускает рукоять пистолета из ладони, но и не покажет, что вооружена до поры. Неужели надеется опередить его, Сильвестра? Нехорошо. Поднимется пальба, а неподалеку русские ковыряют землю. Мотор экскаватора ревет, но у девчонки может оказаться крупный калибр и без глушителя. На грохот сбегутся Пастухи. Прощай конфиденциальность!

Сильвестр прыгнул на водительское место, завел двигатель «тойоты».

Беловолосой удалось схватить младшую из девочек за руку. Мать потащила дочь в ту сторону, где грохотал экскаватор. Сесть в машину к Сильвестру Беловолосая не решилась, побоялась старшей дочери. Так и пошла на звук тарахтящего движка. Забавно. Зато девчонка подошла, постучала тонким пальчиком в стекло. Сильвестр приоткрыл дверь. Она стояла совсем

рядом. Аромат духов «Тантейшн» оглушил его. Еще одна странность! Юная девушка, а запах взрослой зрелой обольстительницы. Нищенка из Пустополья пользуется недешевым парфюмом! Откуда у неё? Сильвестр поморщился под испытующим взглядом девчонки.

– Чо? Любимую вспомнил? Неужели и у тебя она есть?

Отчего так неприятно щекочет в носу? Чего он хочет? Убежать, спрятаться, похоронить себя на время в отвалах пустой породы? Бросить всё! Нет сил смотреть в эти глаза! А как же русская добросовестность? Нет, с волками жить – по волчьи выть. Так они говорят. Пусть будет по их правилам. Сильвестр пылливо уставился на девчонку.

– Я знаю, кто ты, – проговорила Вичка. – Ты – Сильвестр, наемник Лихоты. А там... – Она ткнула пальцем в сторону «дыры». – ... там другой его наемник. В дыре вы прячете порошок. Вы дали порошок моей мачехе. Теперь она неделю будет чалиться в Лисичановке и... – девчонка на мгновение запнулась. – Но она не наркоманка. Нет! Ваш порошок она продаст. Купит себе пива, а детям тушенки. Она – хорошая женщина. Зато в Лисичановке половина из тех, кто не сбежал, – наркоманы.

Эх, глаза у девки! Шахтные тоннели! Затягивают. Опасны.

Сильвестр видел, как Вестник вылезал из копанки, видел черную пыль в складках его лица.

– Вот он пришел, – девчонка указала пальчиком себе за спину. – С пустыми руками. Потому что уголь ему не нужен. Потому что всё оставил под землей. Может быть...

– Только попробуй, – тихо ответил Сильвестр, посматривая на её правую руку.

Вестник подошел уже совсем близко, но он был безоружен.

– Не буду! – Девчонка оскалила белые зубки. – Та я ж только грибочки сбирала.

Она подхватила брошенную сестрой корзину. Теперь Сильвестр видел обе её ладони. То же самое видел и Вестник. Он вопросительно глянул на командира, и Сильвестр отрицательно покачал головой, произнес одними губами:

– Не сейчас.

И ещё:

– Я сам.

Дождь сыпанул с новой силой. Девушка повернулась к ним спиной и молниеносно исчезла между стволами редколесья. Пропала, будто дождем смыло. Вестник прыгнул на пассажирское сиденье, нашарил на заднем оставленный по велению Беловолосой ствол.

– Догнать? – едва слышно просил он.

– Не надо, – отозвался Сильвестр. – Это та самая Пчелка...

– Кто?

– Разведчица Землекопов.

– Я слышал, Пчелка – снайпер.

– Да она от скуки, как тут говорят, на все руки мастерица. Опасная баба, но я не думал, что такая юная.

– Тогда ни к чему ей стариться, а?

– Согласен. Но ты за ней не ходи. В лесу тебе с ней не справиться.

* * *

«Здравствуй, Сашко!

Моя Александра Ивановна шлет тебе привет. Давно не писал. Прости. И сейчас по нужде пишу. Не по доброй воле. Ты тоже хорош. Куда пропал? Как дела с Еленой? Помирились чи нет? Шо там Москва? О Пустополье может быть короткий рассказ в двух вариантах. Или плохо или очень плохо.

Я обойдусь без длинных вводных. По-честному.

Сам сижу без работы, потому что шахта закрылась с самой весны. С той поры и не входил в клеть. Бригада моя разбежалась. Кто повесил на шею автомат, кто сбежал. Остальные живут по-крысиному, и я как все. Шныряем, ищем пропитание. На небо не смотрим. Всё больше под ноги. А там – асфальт утыкан минами. Не каждая разрывается. Криворукими сделаны потому что. Не только такое говно к нам прилетает. Дом учительницы Анны Мефодиевны (помнишь?) разрушен в одну ночь прямым попаданием ракеты. Сама-то Мефодиевна жива. Но что толку? Голь-нищета. Но мы её подкармливаем. Есть пока чем. Лазаем под землю на карачках. Копаем ржавыми совками. На головы сыплется порода. Говорю же – будто крысы. Какая там техника безопасности! Добытое сдаем Савве. Ты помнишь его? Думаю помнишь. Он-то на коне. Молодец!

В семье моей всё хорошо. Жена работающая. Имеет заработок в валюте. Я не жалюсь. Но! Мой тебе совет. Если надумаешь ещё раз жениться – крепко подумай и не бери за себя молодую. Я-то ошибся, но пятиться поздно. Двое детей и ещё Вичка. Куда их денешь?

Брат, я взмок тыкая пальцами по кнопкам. Потому теперь о главном. Слышу близко беду. Очко играет. Понимаешь? Не с теми моя баба связалась. А остановить её у меня нет полномочий. Добром такое дело кончиться не может. Если так случится, последняя просьба моя к тебе – мои дети. Петьке всего девять лет. В третий класс пойдет. Да и Шуратка недалеко от него ушла. Ну а Вичку ты знаешь. Я вас знакомил.

Брат, если дойдут до тебя плохие вести – помоги им хоть деньгами.

Давно тебя не видел. Не знаю, как и живешь. Но надеюсь – хорошо. Москва – богатый город. Если б не крайняя нужда – не стал бы и просить. А так – прошу. Не мог бы ты выслать мне хоть пятьсот гривен? А лучше семьсот. Надо поменять рулевой редуктор на “жигуле”.

Твой друг и брат Иван Половинка».

«Колесико» крутилось. Иван ждал. Ну, вот, он сделал всё возможное. Наконец в верхней части диалогового окна появилась обнадеживающая надпись: «Письмо успешно отправлено».

Иван поднялся, подошел к дивану. Дочь спала, подложив ладонь под щеку, прикрылась своей пропахшей порохов ветровкой. Пятнистая ткань оставляла открытыми гладкие девичьи ноги. Иван стянул через голову тельняшку, прикрыл их. В ответ Вичка улыбнулась ему, не размыкая век. Что же поделать? Девчонка воюет, а он – старый гусь – только клювом щелкает, да топорщит ощищенные крылья.

Когда дочка явилась домой, он накрыл вечерять и опять не удержался. Поллитровка ушла влежку, за полчаса. Добрая доча не попрекнула, а тихо улеглась спать, сытая. Тогда Иван, по обыкновению, обыскал её вещи. Всё: и куртку, и рюкзак, и берцы. А как же! Вдруг да в ботинки упрятала? Доча наблюдала за ним сквозь завесу ресниц. Наблюдала да и уснула. И снова ни слова попрека. Она вообще ни разу на него не возмутилась, даже когда маленькая была. Даже когда Галку домой привел.

Иван зазвенел мелочью, зашелестел бумажками.

– Батя, у меня нет ни денег, ни оружия. Ты же знаешь, – сквозь сон проговорила Вичка. Слава богу, проснулась!

– Знаю, – радостно отозвался Иван. – И не знаю тоже.

– Чего?

Он молчал, улыбаясь, и тогда она раскрыла глаза, уставилась на него.

– Батя! Я не заносу сюда оружие, если оно тебе треба. А что до денег...

– У меня есть, – быстро прервал её Иван.

– Та конечно! У тебя е. Пока не...

– Что?

Но она снова закрыла глаза и, казалось, уснула.

* * *

За окнами «тойоты» мелькал серо-желтый пейзаж. Осень в этих местах теплее весны. Дни ясные, будто весенние, утра сумеречные. Пройдет несколько недель, и северная зима накроет степь потоками ледяного дождя, смоет с последних чахлых листьев серую пыль, превратив её в черную жижу. А потом наступит зима. Вторая его зима в Пустополье. Почему-то вспомнились читанные в недавнем прошлом, хорошо изданные на бумаге письма солдата-немца¹. Тот воевал где-то северней, был, кажется, корректировщиком артиллерийского огня во время Второй мировой войны. Смешно вспомнить, как менялось его настроение от одной военной зимы до другой. К чему эти воспоминания? В те времена вермахт шел к Москве.

Да и он, Сильвестр, разве воюет? Разве возможно назвать этот местечковый бардак войной? Еще одно их словцо. Местечко. Местечковый. Станный народ. Каждому – своё местечко и так навек. Нет, демократия не для них.

Мысли не мешали следить за дорогой. Свет фар скользил по глянцевої поверхности бескрайних луж, оглаживал бетонные бока строений, метался между бесконечными заборами. В ранний час движения на улицах Пустополя почти не было, однако Сильвестр не выключил дальний свет. А огромные, заполненные осенними дождями ямы! А последствия ночного обстрела! После прохода конвоя с продовольствием, на следующую же ночь, Киборг устроил фантастический фейерверк – закидал Пустополье минами. Требовалась немалая сноровка, чтобы вовремя заметить хвостовое оперение неразорвавшейся мины, торчащее из асфальта. Если оно попадет под колесо джипа – беды не миновать. Словом, обстоятельства требовали от водителя пристального внимания, но и время поджимало.

Большинство аборигенов страдали от патологической лени, но поднимались почему-то всегда рано, а после памятной встречи возле лесной копанки прошло уже более суток. Сильвестру был известен домашний адрес Беловолосой. Поздним вечером Киборг подтвердил важную информацию: и сама Беловолосая, и двое её младших детей находятся у родни, в Лисичановке. А это значит, что на пустопольской квартире должна быть – или не быть, кто предугадает военную судьбу? – лишь сама Виктория Половинка и её запойный отец, Иван.

Окраинные районы Пустополя, та их часть, что ещё не превратилась в зловонные руины, были застроены одноэтажными домишками. Улицы там широки и сплошь огорожены глухими заборами. Над заборами – шиферные крыши. За заборами – садики и грядки. В целом вполне приемлемо, но бедновато. Центр же Пустополя по странному местному обычаю целиком застроен трущобами.

Все окрестные городишки таковы: железобетонные параллелепипеды в три – пять этажей стоят рядами параллельно друг другу. Между домов – заросшие бурьяном дворы. Здесь улицы совсем уж плохи. Древний асфальт изрыт огромными, заполненными водой ямами, которые пересыхают в середине лета, а с началом осени снова заполняются водой. Дворовые проезды узки и местами густо заставлены транспортом жильцов – ни проехать, ни развернуться. Мины Киборга залетают и сюда, и тогда посреди выщербленного асфальта распускаются стальные цветы войны. Но аборигены не торопятся извлекать неразорвавшиеся мины из тротуаров. Закладывают меж железных соцветий хитрые кривые, смеются. Странно!..

Сильвестр припарковал «тойоту» на обочине одной из центральных улиц и прошел во двор пешком. Полосатая кошка шмыгнула у него из-под ног, скрылась в узком вентиляционном окошке домового подвала. Дом длинный, в пять подъездов и пять этажей. Соседние дома похожи на него, как единоутробные братья: такие же обшарпанные стены, такие же завален-

¹ Сильвестр вспоминает о письмах Гельмута Пабста, изданных в Германии и переведенных на многие языки.

ные старым хламом балконы. В неопрятных дворах на веревках сушится постельное белье. Его полощет дождь. Угольная пыль садится на выцветший ситец, придавая ему сероватый оттенок.

Сильвестр быстро нашел нужный подъезд. Открыл железную, выкрашенную в странный, азиатский цвет ядовитой голубизны, дверь. В подъезде пахло пивом и мочой. Выщербленные цементные ступени вели на площадку первого этажа и далее – выше.

Сильвестр остановился перед первой ступенькой, прислушался. На втором этаже кто-то тихо переговаривался перед самой дверью. Надо торопиться. И он одним духом взлетел до третьего этажа, привалился спиной к обшарпанной стене, снова прислушался. Этажом ниже хлопнула дверь. Сильвестр достал из кармана и раскрыл небольшой самодельный нож. Но шаги неведомого жильца затихли на нижней площадке. Хлопнула, закрываясь, ядовито-синяя дверь.

Сильвестр продолжил подъем медленно, осторожно прикасаясь ладонью к перилам. Деревянная отделка перил давно истерлась в труху или была оторвана от сварной арматуры. Прикасаться к ним противно, неприятно топтать частые следы плевков на ступенях лестницы. Сильвестр начинал злиться. «Вихрь» пригрелся на положенном ему месте – под мышкой. Но сегодня он не хотел плевать в противника крупным калибром. Дело следовало завершить по-тихому. А для этого сгодится и обоюдоострый нож, изготовленный местным мастером из стали хорошей закалки.

Сильвестр преодолел последний пролет. Вот она, квартира номер девятнадцать, пятый этаж. Ему удалось сохранить дыхание спокойным. Высоко забралась Беловолосая. Впрочем, сейчас за этой дверью её нет. Она в Лисичановке продает порошок или копает буряк, или белит хату матери. Жалкий, забитый и забытый зародыш жалости шевельнулся под желудком. Наверное, так чувствует себя женщина в начальный период беременности. Трепетание крылышек быстро затихло. Он стоял перед дверью в жилище Половинок. Ударил в дверь подошвой ботинка один раз, второй, третий.

Мужик навалился на него внезапно и, получив адекватный отпор, отлетел к стене. Межкомнатная перегородка содрогнулась. По ту сторону её, в комнате, что-то с грохотом сорвалось со стены. Кто-то завозился, зашлепал босыми ногами по полу. Кто-то застучал по батарее, снизу послышались глухие вопли:

– Эй, Половинка! Угомонись! – визжал пронзительный женский голос.

Сильвестр приложил палец к губам:

– Надо по-тихому, иначе...

– По-тихому не буде, – сказал противник, обдавая Сильвестра смрадом дешевого алкоголя.

– Мне нужна Виктория Половинка. Пчелка. Ты мне не нужен. Иди отдыхать.

В ответ жилец квартиры номер девятнадцать непристойно выругался, за что и получил нового нагоняя. Однако на этот раз ему удалось устоять на ногах. Подернутые недельным опьянением, глаза его прояснились, в них появилось знакомое уже Сильвестру, свойственное местному населению волчье выражение. Что ж, его противник намерен драться.

– Быть по сему! – проговорил Сильвестр.

– Та да, закордонна мразь! – был ответ.

Теперь Сильвестр мог рассмотреть противника. Грузный, сутулый, с беспокойным взглядом, его противник, тем не менее твёрдо стоял на ногах. Устрашающая рожа заросла недельной щетиной, рот оскалился двумя рядами железных зубов, под выпуклым животом болтались вытянутые на коленях, линялые портки. Он заполнял собой почти всё пространство крошечной прихожей. Кроме него, здесь нашли себе местечко узкий шкаф, вешалка и подставка для обуви под ней. И всё бы ничего, и нашлось бы где развернуться, если б не высокая, плотно спаянная куча хлама в углу: коробки, пакеты, связки журналов.

Сильвестр с изумлением покосился на красочные обложки: «Космополитен», «Эсквайр», «Вог». Чудеса! Они читают глянец! Сильвестр со стыдом припомнил соитие с Беловолосой.

Спонтанное и стремительное, она оставило по себе ощущение неприятной, оскорбительной нечистоты. Воспоминание о её крупном, неповоротливом, голодном теле, о странном обычае употреблять бранные слова даже в минуты интимной близости, о чугунных, не по-женски тяжелых объятиях вызвали у него желание немедленно покинуть полутемную прихожую. Но добросовестность!

Нанимаясь на эту работу, Сильвестр не сомневался в собственной резистентности к ментальным импульсам чуждого ему народа. Доводить начатое до конца, ставить однозначно трактуемые цели, не отвлекаться на второстепенные задачи, не подменять реалии бесплодными фантазиями, не поддаваться лени, не заменять здравый смысл излишней чувствительностью, желая оправдать собственную недееспособность, не лезть на рожон – чего, казалось бы, проще? И вот он стоит на давно не мытом полу, в захламленной прихожей пустопольской трущобы и борется с неизведанным доселе желанием войти на такую же грязную, захламленную кухню, найти в переполненной мойке емкость почище, наполнить её прозрачной, обжигающей влагой, опустошить и...

– Поговорим? – предложил хозяин квартиры.

– О чем? – быстро отозвался Сильвестр.

– Водки? – вопросом на вопрос ответил хозяин.

Несколько невыразимо коротких мгновений потребовались Сильвестру на преодоление растерянности. Хозяин квартиры напал первым, ударил отработанным ударом в горло и промахнулся. Сильвестр ушел от удара и в прыжке задел хозяина дома по колену. Тот охнул и не только устоял. Он кинулся в атаку. Сильвестр уходил от ударов, совершая затейливые пируэты. Сейчас их схватка походила на сложный обрядовый танец, который мог бы длиться вечно. Но Иван начал уставать.

Нет, всё же Беловолосая плохая хозяйка. Жилище завалено хламом, самой нет дома даже ранним утром, мужа не уважает, плохо думает о нём, и потому он стал таким вот обрюзгшим, бестолково молотящим кулаками в стены собственного дома неудачником.

Не прошло и пары минут, как Сильвестр понял – он имеет дело с отъявленным уличным бойцом. Обычным драчуном-забиякой и не более того. Казалось, будто удары Сильвестра обладают чудодейственным свойством уменьшать массу тела. Грузный Иван Половинка порхал от стены к стене, сокрушая убогую обстановку. Каждое новое движение Сильвестра оставляло на теле Ивана очередную рану, в то время как сам нападавший оставался невредим. Совершая свой первый полет, хозяин квартиры задел головой низко свисающий, зажженный абажур и теперь тот раскачивался, орошая грязные обои, барахло, Сильвестра и его противника беспокойными тенями. И без того грязная майка хозяина квартиры разукрасилась алыми пятнами. Сильвестр ранил его несколько раз ножом, но все раны были всего лишь порезами, неглубокими и неопасными. Ивану пока удавалось избегать колющих ударов, а боли от порезов он, казалось, вовсе не чувствовал. Прибегая к однообразным приемам, Иван всё время пытался поразить противника в горло. Поразить наверняка или уж, как минимум, не пустить дальше прихожей, потянуть время.

Исход схватки был вполне предсказуем. Сильвестр нанес удар по самому выпуклому и уязвимому месту на теле Ивана – животу – и промахнулся. Противник ушел влево и, воспользовавшись случаем, извлек из груды хлама в углу длинный, узкий металлический предмет – заточку, слишком длинную для ближнего боя. Он вытащил его из-под связки журналов, зная наверняка её положение среди коробок и пакетов. О, Иван Половинка, бывший глава бригады проходчиков не так-то прост! Вид остро отточенного куска железа стал хорошей мотивацией для завершения схватки. Сильвестр сорвал со стены вешалку и ударил ею по голове противника, одновременно прижимая острый кусок арматуры подошвой к полу. В результате недолгой борьбы с теряющим силы противником, Сильвестр оказался сидящим у того на груди.

Левую руку его пригвоздил к полу всё той же заточкой, правую прижал к боку коленом. Надо заканчивать дело.

– Налей водки, – внезапно попросил Иван.

Помутившийся его взгляд был устремлен куда-то в пространство мимо Сильвестра. Тот много слышал о муже Беловолосой. В Пустополье об Иване отзывались уважительно и... жалели. Жалели, как человека отжившего своё, но опустившегося и бесполезного даже для родной семьи. Местное население склонно к абстрактной жалости.

Сильвестр улыбнулся собственной, внезапно пришедшей на ум шутке.

– От Ивана Половинки осталась одна лишь половинка, – тихо сказал он.

– Ух ты! – оскалился Половинка. – Речистай пидорок. А модный какой!.. Почем значки покупал? Еврами платил чи нашими гривнами?

У бывшего проходчика ещё достало сил ехидничать над своим убийцей, нацепившем на куртку множество значков – наград за победы в европейских стрелковых турнирах.

Иван прижал подбородок к груди, верно угадывая намерения врага, пряча шею. Он спокойно водил заплывшими глазами из стороны в сторону, словно прислушиваясь к чему-то. Ждал помощи?.. Пытался выиграть время?..

Из тесной прихожей внутрь квартиры вели две двери. Одна из них была приоткрыта. Сильвестр видел угол белой эмалированной плиты. Другая дверь, плотно прикрытая, видимо, вела в комнату. В ярко освещенной щели под нею, метнулась быстрая тень.

– Эй, девушка! Вичка! – позвал Сильвестр.

Иван дернулся и открыл шею. Сильвестр тут же махнул лезвием по щетинистой, стареющей коже. Быстро, точно, наверняка. Отпрянул, не стал смотреть, как замызганная майка окрашивается алым.

– Умереть ничего, если выпить немного...² – прохрипел Иван.

Сильвестр кинулся в комнату. Она, конечно, совсем недавно была здесь. Аромат «Тантейшн» ни с чем не возможно спутать. Но куда делась? Не выпорхнула же с пятого этажа? Сильвестр быстро оглядел комнату. Такую меблировку, или даже древнее, ему доводилось видеть очень давно, во время службы на Кубе. Ах, вот она!

Из-за запыленного стекла серванта на него смотрели внимательные глаза. Лицо, обрамленное причудливыми косичками. На груди, на белом фартуке, подобно цветкам ириса лиловеют банты. Это она, Виктория Половинка – самый отважный из бойцов бригады Землекопов. Присвоить фотографию – дело пары секунд, а потом – к окну. Что там? Действительно, пятый этаж, но дневной свет едва пробивается в комнату сквозь густую крону старого бука. Огромное дерево переросло пятиэтажную трущобу, разошлось вширь, распростерло необъятную крону. Сучья, обращенные к дому, частично обрублены и густо покрыты волчками. Все, кроме одного. На этом, единственном суку молодая поросль была обрезана. Сильвестр примерился. Если встать на балюстраду балкона, оттолкнуться, то, при известной ловкости, вполне можно допрыгнуть до этого самого сука. Наверное, девчонка так и поступила.

– Сильвестр! Здесь Киборг! – прохрипела рация на его плече.

Этажом ниже со стуком распахнулось окно, чей-то заспанный голос спросил:

– Кто-кто? Киборг тут? Ах ты, образина бандитская! Вася! Пастухи тут! Я грю на крыше Пастухи! А-а-а-а!..

Киборг, словно почуяв неладное, благоразумно утих.

Пришлось срочно покидать балкон и квартиру семейства Половинок. Он ещё не успел выскочить из подъезда, когда рация на его снова плече ожила.

– Сильвестр! Здесь Киборг! Выйди на связь!

² Слова из песни Юрия Шевчука.

– Киборг! Я – Сильвестр! Слушаю. Что случилось? – Он говорил, быстро сбега по лестнице. Межэтажные площадки мелькали одна за другой. Четвертая, третья, вторая...

– Обстрел!.. – голос Киборга канул в треске помех.

– Киборг! Тебя вызывает Сильвестр! – пришлось приостановиться на площадке между вторым и первым этажом.

– ...Нападение на объект ноль-один! Повреждена передняя подвеска! Мы застряли в поле! Окружены Землекопами! Нужна помощь!.. – Голос Киборга прорывался через треск помех.

– Объект не бросать! – Не помня себя, Сильвестр заговорил на английском языке. – Держать оборону!

На раздумья пара минут. В отряде Пастухов кроме него самого и Вестника есть ещё только один человек, способный взять на себя офицерские функции. И этот человек сейчас в затруднительном положении, окруженный врагами, обремененный той самой пусковой установкой, которая предназначалась для продажи Землекопам.

– Сильвестр вызывает Вестника!

Ответ последовал немедленно:

– Вестник на связи. Но я в квадрате зет сорок восемь.

Всё понятно. Вестник выводит конвой на обратный путь. Двумя этажами выше хлопнула дверь, вниз по лестнице загрохотали быстрые шаги. Кто-то приговаривал, не переставая, с частым придыханием:

– Проклятые Пастухи!.. Пастухи тута... Проклятые Пастухи...

Сильвестр явственно услышал характерный щелчок. Некто, страстно ненавидящий Пастухов, снял оружие с предохранителя. Нет, открывать стрельбу здесь и сейчас Сильвестр не собирался. Последние, выщербленные ступеньки, синяя дверь, влажный полисадник, лабиринты мокнущего под осенним дождичком белья, обочина улицы, ключ в замке зажигания. Ходу!

* * *

– Они в зеленке. Рассыпались в цепь, – голосом Матадора проговорила рация. – Короткими очередями, Пчелка!.. Внимательно! Конец связи!..

Конец связи! Какая там связь, когда Стас сидит прямо под ней, под броней бэтэра? Стоит только открыть люк, и она увидит его рядом с водителем или за рычагами управления. Но люк на ходу открывать нельзя. Случись чего, она успеет соскочить, или её отбросит в сторону взрывной волной. А там уж как повезет. Может, всё и обойдется. Куда хуже завалиться под «броню» и там сгореть.

Но Вике сейчас не хочется думать о плохом. Ей хочется думать о доме. Ей надо как можно скорее попасть домой! А для этого надо выжить здесь и сейчас. Сегодняшняя миссия бригады Землекопов должна быть завершена.

Вика попыталась остановить взглядом плывущую по правой обочине дороги полосу «зеленки». «Зеленка»! Одно название! Какая там зелень, когда листья облетели еще осенью и успели истлеть под снегом. А теперь и снега не стало. По серо-рыжему фону тут и там разбросаны белые лоскуты, и те скоро истают под ударами апрельского солнца. Но пока земля промерзла, тверда, свежих следов не держит.

С минувшей осени вся изгажена гусеницами бронированных машин. И прошлую весну не пахали, и в этом году на поле пахарю делать нечего, если хочет остаться жив. Бывшая пахота начинена неразоровавшимся железом. Какие она может дать всходы?

Сама «зеленка» – частокол голых стволов. В беспорядочном переплетении ветвей, конечно, можно укрыться, имея соответствующую сноровку. И враг такую сноровку имеет. Бог

знает, где они прячутся! Неужто можно успеть за полтора суток нарыть столько щелей в неоттаявшей земле? Палат бог весть откуда. Пули визжат и стучат по броне, пролетают над головой.

Вика не боится их. Она полулежит на броне, её «кикимора» сливается с камуфляжной окраской бэтэра. На большой скорости её очень трудно рассмотреть из «зеленки». А она чувствует врага, время от времени поднимает приклад к плечу, отвечает «зеленке» одиночными выстрелами или короткими очередями. Случается – срежет веточку у дерева. Случается – отнимет жизнь у врага. Под броней Стас давит на газ. БТР движется быстро, замедляясь на ухабах и разгоняясь на гладких участках трассы до восьмидесяти километров в час.

Справа проплывает ярко раскрашенная будка. В мирное время здесь останавливался общественный транспорт, следующий из областного центра через Лисичановку в Пустополье. Сейчас площадка вокруг остановки обложена железобетонными блоками в три – пять рядов в высоту. За таким периметром, если придется, можно долго держать оборону. Но сейчас периметр пуст. Остановка – на ничейной земле. Здесь сражаться пока не с кем.

Дорога вырывается в открытое поле. Впереди дорожный знак – черные буквы на белом фоне: «Лисичановка». Если удастся благополучно миновать полуразрушенное село и совершить быстрый марш в пятнадцать километров по голому полю, то они окажутся в Пустополье, въедут в городок через свой блок-пост, с северной, безопасной окраины.

Передний люк открывается. Из отверстия высывается до смешного круглая в защитной каске голова Стаса.

– Нам надо залить горячее, – говорит он. – Я вызываю Индейца, но он не отвечает. Будь внимательней.

Вика не слышит его голоса. Она смотрит в лицо Стаса. Разбирает слова по артикуляции. Их командир никогда не надевает балаклавы.

Лисичановка. В нос лезет запах нечистот. Тополя вдоль дороги все до одного изранены, кроны и стволы посечены осколками. Мимо проплывают искореженные заборы и проваленные крыши. Целых домов немного. Жители сбились по несколько семей, ютятся. А кому не хватило жилой площади – сидят по погребам. Но сейчас, когда под охраной бригады Землекопов в село вкатилась фура с гуманитарной помощью, невзрачные тени стали появляться из-за заборов.

Вика смотрит на них через прицел, не снимая пальца со спускового крючка. Круглая голова Стаса исчезает, люк захлопывается. БТР резко притормаживает, движется медленно, словно ощупывая перед собой дорогу бледными лучами фар. Оба, и водила в прорези переднего люка, и Даниил Косолапов – позывной Терапевт, – сидя на броне по другую сторону от ствола пушки, неотрывно смотрят на дорожное полотно. Следом чадит выхлопом, порывая при переходе на нижнюю передачу, фура с продовольствием. Наконец Вика замечает пятнистую «Ниву» с пустым кузовом. Кабина джигадмобиля тоже пуста. Действительно, где же Индеец и Чулок? Вика всё время слышит голос Стаса:

– Чулок вызывает Матадор. Индеец вызывает Матадор.

– Индеец на связи, – отзывается рация. – Вижу вас. Дорога чиста.

– Чулок вызывает Матадор, – настаивает Стас.

– Индеец на связи. Чулок поотстал. Шакалит по огородам. На дороге чисто. Выхожу к вам.

Но вот из голых кустов акации выламывается Индеец. Вика смотрит на него в перекрестье прицела. Терапевт соскакивает с брони. Позади надсадно ахают тормоза фуры. БТР останавливается. Приехали.

Вика осматривает обочины. На броне лучше, чем внизу, на земле. Тут и там груды искоженного, горелого железа. «Двухсотых» жители Лисичановки прикрыли, чем Бог послал. Запах жженой резины и горелого мяса невыносим. Вика сглатывает горький ком. Несколько сутулых теней ковыряются в утробе недогоревшей «газели». Население Лисичановки стека-

ется к фуру. Смурной водила выпрыгивает из кабины, ухватив за ремень, вытягивает наружу автомат, бредет к задней двери. Слышатся сдавленные причитания, плач.

Индеец, с видом нарочитой рассеянности оглядываясь по сторонам, подгребает ближе к ним. Ложка автомата покоится в его левой ладони. Правая накрыла затвор и спусковой механизм. Автомат Индейца – обычный АК. Но приклад! Приклад новейший, телескопический, затыльник регулируется по длине и высоте. Недешевая вещь. Ему цена – не меньше десяти тысяч. А про прицел и говорить нечего. Такая шняга стоит целое состояние.

Индеец экипирован лучше любого в бригаде и более других беспечен. Стас не любит его, непонятно почему, и терпит. Вот и сейчас командир в бешенстве. Румяные губы его вытягиваются в тонкую линию. Ах, если бы его синие очи не закрывали темные стекла! Наверное, тогда камуфляж Индейца уж задымился бы.

– Вы – мертвецы! – рычит командир. – Просто ходячие трупы! Ты – зомби, Индеец! Сколько раз я говорил вам: залогом живучести является строгое соблюдение воинской дисциплины! Не гулять по одному!

– Так мы ж на своей земле! – мямлит тот.

Тяжелый, крупный человек, он кажется беспомощным ребенком перед командиром бригады Землекопов.

– Твоя земля – микрорайон Выхино в Москве. А это – Лисичановка, и я не хочу ехать к твоей матери в Выхино, чтобы рассказывать ей, как ты погиб! Ты, парень, ещё не просох после субботних поминок, а уже снова готов напороться на заточку!

Командир прав. В прошлую прогулку по окрестностям Лисичановки они нашли своего бойца. Вернее, его труп. Пастухи не стали тратить на него боекомплект. Проткнули десяток раз заточкой и бросили в лесополосе. Лисицы объели парню лицо. Парень родом из Лисичановки, но нехороший. Ходили слухи, будто приторговывает местной разновидностью наркоты – «зубным порошком». У Землекопов железная дисциплина: если курить, только табак. Выпивка – на большие праздники или поминки и то в меру. Но этот, заблудший мертвец, как же его звали?..

– Вепрь чи Кочет? – Вика в сомнении уставилась на Стаса.

– Вот, послушай Пчелку! – оживился тот. – На обоих – и на Вепря, и на Кочета, – враг не потратил ни одного патрона. Их просто закололи, как поросят. Но из скотины делают колбасу. А из таких, как ты, – корм для местных лисиц!

– Да. Кто-то из Пастухов совсем ополоумел. Хоть бы Киборг дал ему ножик. Можно ведь просто, – Индеец проводит себя ребром ладони по горлу. – Вжик – и пузо в крови.

Стас начинает снова, в который уже раз, излагать порядок движения разведывательной группы. В самый разгар воспитательной процедуры из-за забора вылезает второй «мертвец» – Чулок. Чулок совсем не москвич, хотя в «первопрестольной-белокаменной-нерезиновой» кого только не найдешь. Наверное, и таких вот чернооких, огненногровых, до бровей заросших бородами, хоть пруд пруди. Впрочем, Вике в Москве так и не довелось побывать. Крестный звал, но как-то не сложилось.

– Да я же только... – ноет Индеец.

– Не ходить по одному! Я тебе в сотый раз повторяю, Роман! – твердит Стас. – Вернемся на базу – устрою внеочередной тренинг.

– Какой тренинг, генацвале? – хмуро возмущается Чулок. – Мне до бабы надо. Сам знаешь. Без бабы я не человек.

– Не отпущу.

– В субботу.

– В субботу утром, как обычно, футбольный матч. Выигравшая команда идет в увольнение. Проигравшая – занимается чисткой снаряжения.

На голос командира потихоньку с «брони» и из-под неё собирается народ. С трассы подтянулась бригадная БМП.

Вика отошла в сторону. Ей любопытно: что ищут лисичанцы на трупке обгоревшей «газели»?

«Газель» тушили. Огонь не смог добраться до бензобака. Среди обуглившихся обломков кузова рассыпью валялись консервные банки с разноцветными этикетками и синие, оплавившиеся пакеты – гуманитарная помощь. Несколько лисичанцев – старики да старухи – ковырялись в этом, по нынешним временам, драгоценном хламе. Один мужичок помоложе раскидывал вилами тлеющие головешки.

– Дьявола им в душу, – бормотал мужичок с вилами. – Горе-поджигатели. Подзапалили да и разбежались ровно крысы. И толку не имеют, что тож еда! Писча! Сами голодуют и нас жратвы залишают. Как набежали – мы хотели ж отбicia. Дак они троих положили.

Мужик шмыгнул носом. Глаза его увлажнились.

– Кто поджег? – спросила Вика.

– Та кто ж! – был ответ. – Таки ж бандиты як ви. Только без билих повязок.

– Ни! – возразил другой лисичанец. – Я бачив одного бандита. Приличный. На мотоциклетке импортной. Та вона його товарыщи.

Он махнул в сторону заборов, туда, где за частыми стволами тополей темнела лента истертого, источенного корнями вездесущих сорняков, тротуара. Там шныряли какие-то личности.

Вика насторожилась и даже сняла автомат с предохранителя. Яночку она заметила сразу. Именно вокруг неё крутился мерзкий типчик – то ли Колян, то ли Толян. Прибилась к бабе рвань, платяная вша, вцепилась жвалами, не отпускает. И кликуха у него отстойная – Волянка. И нудит он, и клянчит, и жалуется, и лезет повсюду, и язвит, как вредное насекомое. Откуда взялся – никто не знает. Почему ему Пустополье так глянулось? На шахту нынче не наняться. Другой работы нет. Зачем он здесь?

На сморщенном лице Волянки застыло свойственное ему, плаксивое выражение. Узрев Даниила, он забежал за придорожный столб и теперь выглядывал оттуда, шевеля неопрятными усами. Яночка крупная, на голову выше Вики, дородная, не первой молодости женщина, пыталась делать вид, будто не замечает бойцов бригады Землекопов – поджимала губы, отворачивалась, пряча досаду, но не уходила. Наверное, так же, как многие в Лисичановке, просто голодна и вот явилась посмотреть, чем можно поживиться от гуманитарных щедрот.

Яночка исподволь и с тоской в глазах рассматривала Даньку. Они прожили вместе, ежедневно ссорясь и жестоко ревнуя друг друга, не менее полутора лет. Яночка стеснялась и гнушалась своей неуместной любви. Терапевт злился. Как-никак он доктор – дипломированный специалист, а она – простая продавщица из продуктового ларька. Родители Даньки отвергли Яночку, называли пролазой, обвиняли чуть ли не в колдовстве. Действительно, странно, как ей удалось окрутить мужика – не дурака, не уроды, с высшим образованием да на десяток лет моложе себя?

С началом войны Яночка и Данька отделились друг от друга. А потом, когда война грянула по-настоящему, в Пустополье прибыл Стас и взял Даньку на короткий поводок – они вовсе разошлись.

Вот и теперь Терапевт стоял, переминаясь с ноги на ногу, на Яночку вовсе не смотрел. В зеркальных стеклах его очков отражалась только скукоженная рожица Волянки.

– Если станешь бить, пожалуйюсь Станиславу, – загудел Волянка. – Вам, военным, нас, мирных бить не положено. Ты присягу давал, Данька! За нарушение присяги полагается расстрел на месте.

– Ты с ним спишь, что ли? – Терапевт метко сплюнул на истертую обувь Волянки. – Ну и как? Счастливо?

Он по-прежнему не смотрел на Яночку и напрасно.

– Та не с тобой же спать, сынок, – огрызнулась та. – Приблудился приживал переходный, попользовался женщиной и сдриснул. Ясное дело – молодой.

– Я не сдриснул, а абстрагировался, – пояснил Терапевт. – Увеличил дистанцию. Потому что война...

– Да оставь ты его, Яна! – снова загудел Волынка. – Дожила до седых мудей, а ума нету! Я ж тебе говорил: дура ты! Зачем с молодым снастается? Пусть он и доктор, а толку-то шо? Ни совести, ни заработков!

Терапевт дернулся. Железо на его портупее звякнуло. Хирургические инструменты – зажимы разных модификаций и типоразмеров, ампутационный нож, скальпели, тракар – крепились на ременной портупее и позвякивали при каждом движении и сияли даже в пасмурную погоду.

– У тебя, шо ли, заработки? Где працюешь, кровосос невеликий? – зашипел он. – При бабе, штатный коханчик?.. Седые муди?..

Нижняя челюсть Косолапова ходила ходуном.

– Оставь его, Волынка! – сморщилась Яночка. – Не отвечай ему!

– Та за якие такие седые мудя он толкует? – не отставал Терапевт. – Шо вин знае? Шо бачив? Убью!

– Не убьешь! – Волынка завертелся, прикрывая голову руками, будто решил, что будет убит именно ударом по черепу.

– Та он к вам же в бригаду нанялся, – бросила Яночка. – Теперь такой же, как ты. Сам убийца.

Она, не попрощавшись, двинулась прочь по выщербленному асфальту тротуара. Волынка подался было следом, но далеко не ушел. Нет, Терапевт не стал бить его по голове. Саданул прикладом между лопаток, вышиб с асфальта в колючие кусты и там затоптал бы, если б не Вика.

– Оставь! Не надо! – Она ухватила Данилу за запястье.

– Та он хороший парень! – Яночка обернулась. Шагов с двадцати она на всю улицу выкрикивала похвалы бывшему любовнику. – Он тебе сгодится, Виктория! Тем более с мамкой его ладить больше не придется. Разнесло бомбой мою тещу! В хлам! В пыль!..

Яночка, по обыкновению, была нетрезва. Вика заволновалась, глянула в сторону БТР. Не слышит ли криков шальной бабы Стас? Впрочем, командир Землекопов не станет связываться с продавщицей из продовольственного ларька. Зачем она ему?

Волынка вывернулся из-под ног Терапевта и утек следом за Яночкой, а Вика вернулась к разгромленной «газели». Лисичанцы, подобно помойным котам, всё ещё копались в обгорелом мусоре, совсем недавно бывшим вполне пригодным к употреблению добром. Часть из них уже подалась ко вновь прибывшей фуре. Эти выстроились в покорную очередь. Иные продолжали ковыряться в теплом пепле.

Мужичонка с вилами мельком глянул на оружие, окинул взглядом саму Вику, на мгновение задержав недружелюбный взгляд на её темной косе, вольно змеившейся из-под края балаклавы.

– Нет того, чтобы ныне дивчата шелковы платья носили. Экая на тебе хламида!

Вика, левой рукой придерживая приклад автомата, правую подала старухе. Та ловко карабкалась наружу из руин «газели». Бабка приняла помощь, крепко вцепилась в рукавицу, не выпуская, однако, из рук тяжелую клетчатую сумку.

– Что набрала, бабка? – спросила Вика.

– Сардинки, масло постное, – отвечала старуха. – Картошка есть. Пожарим. Будем живы.

Наконец она встала на твердую землю. Сумку примостила между ног, сжала лодыжками, будто опасаясь за вновь обретенную добычу. Левую руку она держала в кармане пальтеца, словно оберегала кисть. Неужели тоже ранена? Вике не хотелось расспрашивать, а старухе

хотелось уйти, но она почему-то не решалась, настороженно посматривая то на викино оружие, то на её переносье, остававшееся открытым в прорези балаклавы. Смотрела пристально, непрестанно сжимая и разжимая дряблую, покрытую старческими пятнами кисть правой руки. Сильно заношенную шапчонку-пирожок из некогда дорогого меха она обмотала шалью, из-за чего голова её казалась неестественно большой. Швы на стареньком, драповом пальто местами разошлись, пряди ватина выбились наружу. И лицо старухи, и её одежду, и обувь покрывали пятна копоти. От неё разило давно не мытым телом, солярой и перегаром. Вика поморщилась.

– Нет ли водки? – жалобно спросила старуха. – Порой бывает так страшно... Но выпьешь, и оно вроде ничего...

– Вы кто? – спросила Вика. – Откуда здесь эта «газель»? Зачем её подожгли? Кто её тушил? Кто стрелял в вас?

– Я?.. Зачем?.. – Старуха сначала оторопела, а потом принялась оправдываться. – Паспорт вот не прихватила. Анна Исаковна я, Косьяненко. Учительница. Бывшая. Русский язык и литература. Сейчас на пенсии. Внук в... С вашими он. А сын...

Лицо её дрогнуло.

Легкий удар в плечо. Вика обернулась. Терапевт протянул ей початую бутылку «Джим Бимма». Нацепил на нос зеркальные очки – весеннее солнышко жестоко, если зрачки неправильно реагируют на свет. Зато рука тверда.

– На. Стас увидит – отправит на губу, – буркнул Терапевт. – Пусть лучше они порадуются.

– Рука тверда и танки наши быстры, – проговорила Вика, забирая бутылку и, обернувшись к учительнице, добавила: – Пойдем, бабуля. Мы тебя проводим.

Она выдернула у старухи из-под ног сумку с провизией, сунула в неё подарок Терапевта. Старуха засемила впереди. Непрестанно оборачиваясь, с настороженным интересом заглядывая Вике в лицо, она поведала об обстоятельствах гибели старшего сына. Вика в одной руке тащила клетчатую сумку, на сгибе другой покоился автомат. Терапевт шлепал следом. Этот всегда держит оружие наготове. Малейшее сомнение – начнет шмалять за милую душу, не выясняя – кто, откуда, зачем и почему возник на его пути. Бабка тарыхтела без умолку:

– А за «газель» могу сказать так. С южной окраины приходит человек. Часто. Большой начальник. Свита у него... Между собой то на английском языке общаются, то на немецком. Бойко так чешут. Но сам начальник и по-русски хорошо говорит. А вот по-украински – не очень. Напрягается. Имя у него странное. И вроде наше, в Святцах такое есть. Но как-то у нас не принято так крестить младенцев. Да и какие нынче младенцы!.. А в этот раз они гуманитарку пригнали. А потом между собой ссориться начали. Бог весть из-за чего! Вот «газель» и загорелась. Да и люди...

Старуха сморгнула слезы.

– Та как зовут-то благодетеля, бабуля? – встрял Терапевт.

– Сильвестр, кажется.

– Красивый человек, большой, щедрый, косая сажень в плечах? – уточнила Вика.

– Да. Красивый. Точно!

– Шо, понравился, бабуля? На молодых пацанов потянуло? – осклабился Терапевт.

– Да он и не молодой. Старше вас, но младше меня. Вам, думаю, обоим в отцы сгодится.

– Сгодится... – угрюмо подтвердила Вика.

Она заметила знакомую, четырехскатную крышу. Папка называл этот дом «образцом молдавской архитектуры». Здесь проживало семейство Середенко – мачехина семья. Вика подошла вплотную к забору, поставила сумку на землю, поднялась на цыпочки. Эх, высока ограда, ничего не видно!

– погоди! – Терапевт ударил ногой в калитку.

Сварной профиль, листы профнастила – настоящий музыкальный инструмент. Звонко поет и под градом осколков, и под ударами солдатского башмака.

– Погоди! Ты напугаешь их! – рыкнула Вика.

– Да шо там! – Терапевт налег плечом, калитка распахнулась, оба отскочили в сторону. Анна Исаковна схватила сумку у Вики из-под ног, завертела головой в поисках подходящего укрытия.

Вика не стала проходить в глубь двора, остановилась неподалеку от калитки, прижала к лицу оптический прицел, чтобы получше рассмотреть двор семьи Середенко. Вроде бы всё в порядке: дверь погреба заперта на висячий замок. Возле дверей в сени – стопка пустых, оцинкованных ведер. Остекление веранды цело. На корявой обнаженной кроне яблони никаких посторонних предметов. Двор перепахан ещё с осени. Черная, бугристая грязь как смерзлась в глубокие борозды, так и не оттаяла ещё...

Что-то розовеет посреди двора? Вика сделала шаг вперед, навела тубус прицела на странный предмет и... потеряла дыхание. Посреди давно опустевшего, грязного двора валялась длинноногое субтильное тельце в розовом, пышном наряде – кукла Барби. Вика сама купила её прошлым летом. Тогда же были приобретены и богатый гардероб из дюжины платьев, и мебель из белой, фигурной пластмассы. Всё это богатство Вика преподнесла в подарок младшей сестренке Шуратке на день рождения. Заплатила тогда за подарок все наличные деньги. Батя ругался, но недолго, а Галка...

Слезы брызнули из глаз. Предательские слезы.

– Шо? – В голосе Терапевта слышалось недоумение. – Та там нету никого! Дом порожний.

Он бодро обежал подворье. Мерзлая земля зазвенела под подошвами тяжелых ботинок. Попытался открыть дверь на веранду – крашенная голубой краской дверная ручка осталась в его ладони, дверь оказалась запертой. Остекление веранды печально задребезжало.

– Я полгода не была дома, – Вика опустила ствол к земле. – Шесть месяцев...

– Так забывай! Кто ж тебе не пускает?

Терапевт повернулся к ней, и Вика увидела своё залитое слезами лицо в зеркальных стеклах его очков. Куда спрятаться? Бежать к БТР? Но как же оставить старуху? Вот она, вошла во двор, смотрит на нее, пряча за нарочитым почтением жалость.

– Ты знаешь Середенок? – спросила старуха. – Риту, Галю Половинку и её детей?

– Галка – жена её батки, – пояснил Терапевт. – И то правда, где ж они поховались? Чи в Пустополье сдриснули?

– Тут мамки твоей родня живет? – наконец решилась спросить старуха.

– Нет.

– Мачехи?

– Не, Анна Исаковна. Тут живет бабушка моих брата и сестры. Маргарита Федоровна Середенко. Вы же её знаете. Видели, наверное, Сашеньку и Петю. Это мои брат и сестра. Но сейчас никого нет. Наверное, они в Пустополье.

Вика, отобрав у бабки сумку, решительным шагом направилась к калитке. Анна Исаковна подхватила, зашепила следом, бормоча угодливые похвалы Шуратке и Петру. Вика не слушала её, шмыгала носом, стараясь изгнать непрошенные воспоминания об отце. Терапевт шумно дышал сзади над ухом. Оборачиваясь, Вика снова и снова видела свои отражения с зеркальных стекол его очков. Она сдернула и сунула за портупею балаклаву. Непрошенные, подлые слезы, оставляли влажные дорожки на щеках. Срамота!

Так, по обочине грязной, изувеченной гусеницами улицы они добрались до скособоченного, побитого осколками забора. За листьями профнастила пряталась почти целая хатка. Залетная мина повредила сени, взрывной волной выбило стекла из окон, а в остальном – ничего, жить можно. Повезло учительнице русского языка и литературы.

Навстречу им выбежала небольшая собачонка в тряпичном, цветном ошейнике, такая же чумазая, как её хозяйка. Глянула на гостей, на хозяйку, но голоса подавать не стала.

– У тебя погреб есть, бабка? – спросила Вика, опуская ношу на землю.

– А то как же! – Старуха улыбнулась.

Наверное, ей хотелось поскорей достать из сумки подарок Терапевта, приложиться, прилечь.

Бабка подняла с земли сумку и направилась к покосившемуся крылечку. Собачонка последовала за ней. Странное дело, Вике вдруг почудилось: из-за неказистой сарайки, там где неопрятной кучей свален строительный и прочий мусор выглянуло чумазое личико белобрысого мальчонки. На рваной куртке застежка-молния разошлась, пестрая шапочка украшена лохматым помпоном, а тот держится на одной лишь нитке, вот-вот оторвется. Вика уставилась на давно немытые, с обломанными ногтями и въевшейся в кожу сажей руки, сжимавшие такого же грязного, игрушечного мишку. Откуда взялся на бабкином дворе пацанчик-младшеклассник? Может быть, это внук хозяйки? Может быть, просто соседский мальчишка?.. Вряд ли! Уж больно знакомым показалось Вике детское личико. Но откуда взяться здесь, в Лисичановке, малыцу с Пустополья?

– «Беги! Опасность! Бомба!» – беззвучно закричал мальчишка, и Вика повиновалась.

Папка называл её ошибкой природы. Тощая, шустрая девчонка, неудавшаяся скрипачка и троечница, неуживчивая, беспокойная сиротка на войне оказалась как раз к месту. Полгода в боях – и ни одного ранения. Как удавалось ей обходить вражеские схроны? Как удавалось угадывать, в каком месте разорвется мина? Каким чутьем находила она растяжки? Вот и сейчас знакомое чувство смертельной опасности торкнуло в спину чуть ниже лопаток. Сила и ловкость, смекалка и отвага – вот лучшие друзья настоящего солдата!

– Ноги! – скомандовала Вика.

Она знала: Терапевт сорвется с места вместе с ней или на мгновение раньше. Безумный бросок в сторону, болезненный удар по ребрам. Но что такое боль по сравнению с неукротимым, животным чувством опасности? Этим чувством настоящий солдат щедро оделяется при рождении. Это чувство – ангел-хранитель любого хорошего солдата – нисходит под первым обстрелом и потом бережет своего носителя до конца жизни.

Тело повиновалось безукоризненно. Вика уткнулась лицом в твердую землю за кучей мусора в том месте, где мгновение назад прятался неизвестный пацанчик. Слева забор, позади – каменная стена сарайки. Сверху на них посыпались каменная пыль и какие-то влажные ошметки.

Горсть осколков ударила в полотно профнастила, превращая лист жести в частое решето. Терапевт вслух досчитал до пяти, прежде чем подняться на ноги. Он всегда так делал при минометном обстреле.

– Ходу, Пчелка! – рявкнул он, прежде чем сигануть из укрытия на старухин двор.

Вика последовала за ним. Анна Исаковна, учительница русского языка и литературы, лежала перед входом в свои полуразрушенные сени. Лицо её несло печать сладостного умиротворения, будто она уже употребила щедрый дар Терапевта. Ткань пальтеца на глазах напивалась тёмной влагой. Вика освободила ладонь от перчатки, склонилась к убитой, приложила ладошку к груди. Действительно, влажно и красно. Терапевт шерудил ногой клетчатые обрывки.

– Осторожно! – предупредила Вика.

– Та ладно! Весь подарок сдетонировал.

Совсем близко кто-то истошно завопил. Вика дрогнула, но всё-таки решила сунуть руку в тот из карманов бабкиного пальто, где она держала руку. Вместе с окровавленной ладонью наружу выскользнул небольшой сверток, упакованный в фольгу. В таких пакетиках до войны в пустопольской аптеке отпускали гомеопатические препараты. Вика порвала серебристую обертку острым ноготком. Понюхала беловатый порошок с вкраплениями более крупных, коричневатых, рассыпчатых гранул – нет, это не гомеопатия.

– Видишь, Вичка, какие говенные дела! «Зубной порошок» у учительницы в кармане! – шмыгнул носом Терапевт. – А в банки с харчами наклали «пластика», доложили болтами, упаковали в «газель» и подожгли. Хавайте, людыны, гуманитарну помощь от Пастухов!.. Пойдем. Пусть сами хоронят прижмурившихся. Нам надо до Пустополья. Пойдем...

Он потянул Вику за полу «кикиморы». На находку не покусился, и Вика рассыпала порошок по двору. Невдалеке за увечными заборами и проваленными крышами, за ампутированными кронами придорожных тополей зарычал движок бэтээра, и они припустили туда быстрой трусцой.

* * *

– Ты знаешь хто такой цей Сильвестр, Вичка? – спросил на бегу Терапевт. – Це тот хмырь, шо к Стасу ходит?

Вика молчала.

– Якщо той, то у него ж и бээмпэ купували. Дешево виддав. За семдесят тысяч рублей. Ты бачила его?

– Нет!

– Гарный дядька. На голливудского актера походит. Рожа гладкая, насоляренная. Брови ниби выщипаны, на пальцах маникюр... Напхатъ бы зубочисток гадюке под ногти!

– Хватит! – огрызнулась Вика.

Их путь лежал мимо полуразрушенного бетонного строения с проваленной крышей и разбитыми стеклами. Однако решетки на окнах уцелели и синюю, железную дверь ещё не успели снять с петель. Вике показалось, будто за разбитыми стеклами мелькнула быстрая тень, будто скрипнуло под неосторожной ногой битое стекло.

– Эй! Кто там? – рявкнула Вика.

Терапевт снял автомат с предохранителя.

– погоди! – Вика положила ладонь на поднятый ствол.

– Як мы туда зайдемо? – спросил Терапевт.

– Так же, как он! – Вика махнула мохнатым рукавом «кикиморы» в сторону окон. – Видишь, одна из решеток отходит?

Неизвестный, скорее всего, был тщедушен. Просочиться в такую узкую щель Вика, конечно, могла. Совсем другое дело – Терапевт. Длинная жердина, косая сажень в плечах.

– Я не полезу, – словно услышав её мысли, произнес Данила. – Ты тока будь на виду и трочи шо – катись под окно. Ну, лезь, а я пока тут...

Он порылся в карманах, извлек короткую ножовку с удобной ручкой и большие кусачки – так фокусник достает белого кролика из шляпы.

– Полезай, – повторил он, и Вика повиновалась.

* * *

Пустой, разграбленный магазинишко. Наружная дверь и решетки на окнах в сохранности, но внутри всё сметено или разрушено. Пол загажен человеческим пометом, полки и стеллажи в таком состоянии, будто их курочили ломом или громили битами. Нигде ни одного целого стекла.

Битое стекло неизбежно поскрипывало под ногами, да монотонно скрежетала ножовка Терапевта. Сладостные звуки, свидетельствующие о преданности товарища. Уж она-то знает Данилу Косолапова! Что бы ни произошло, он найдет возможность прийти на помощь. Что бы ни случилось, Терапевт всегда и неизменно весь, с головы до пят, увешан всевозможной

амуницией. У него всегда есть под рукой и слесарный, и медицинский инструмент, и мелкие запасные части, необходимые для ремонта автомобиля.

В снаряженном виде Косолапов походил на богато украшенную новогоднюю елку и при ходьбе издавал мелодичное позвякивание. Вика не любила ходить в разведку вместе с Терапевтом – слишком шумно, но сейчас мерное скрежетание его ножовки придавало уверенности в своих силах и отваги. Чего уж там, она – не робкого десятка, позабыла, как надо бояться. Откуда же взялся страх? Проскочил неприятным холодком меж лопаток, свалился в лохматую штанину «кикиморы», выскользнул наружу, зашуршал по битому стеклу.

– Кто тут? – едва слышно прошептала Вика, перевела режим огня на своем АК на одиночные выстрелы и добавила в полный голос: – Выходи!

Парень вышел из дверного проема, ведущего в подсобное помещение магазина. Обычный парень: приятное лицо, хорошая куртка мягкой кожи, обут не в берцы, а в обычные, цивильные ботинки, лицо продолговатое, породистое, интеллигентное, симметричное, а потому не слишком запоминающееся. Во взгляде нет обычной для жителей Пустополя голодной шакальей настороженности. Вроде бы и знакомый парень, и на местных похож, но какой-то чужой.

– Ты чей? – рявкнула Вика.

Парень молча, с простодушным вниманием смотрел на неё.

– Почему не отвечаешь? Глухой? Немой? Тупой?

Он равнодушно смотрел в дуло автомата, словно вовсе не ведал о том, для чего предназначена эта черная штукавина. Вика продолжала разглядывать его, преследуя одну лишь цель: необходимо как можно скорее понять, где он держит оружие.

– Подними руки! – наконец скомандовала она.

– Зачем?

– Ой! Подал голос! Значит, не немой и не глухой! Подними руки. Я тебя обыщу.

Парень улыбнулся, зевнув, потянулся. Ножовка скрежетала в ускоренном темпе. Наверное, Терапевт слышал их голоса.

– Отпусти меня с миром, – проговорил парень. – Я не хочу общаться с твоими друзьями.

И он прибавил ещё пару фраз на каком-то малознакомом Вике языке, возможно, на немецком.

– Я не хочу стрелять в тебя, но сейчас придет Терапевт, и тогда...

– Терапевт – это тот, кто пытается пленных?

– Кто ты такой? – крикнула Вика во весь голос, отчаянно надеясь, что Данила её услышит.

Ножовка скрежетала в бешеном темпе, слышался стон раздираемого кусачками металла. Вика двинулась по направлению к парню. Палец на спусковом крючке автомата омертвел. Сейчас она знала наверняка: при любых обстоятельствах она ни за что не сможет выстрелить в этого человека. Ни за что!

– Оставь это! – Он просто протянул руку и толкнул дуло автомата вниз. – Меня зовут Ярослав, а ты...

Его новая улыбка показалась Вике застенчивой.

– Что – я? – Ещё минута – и она свалится замертво. Как же сердце-то колотится! Но почему?!

– ... культурная девушка. Я уж подустал от всех этих «шо» да «та». В институте учишься?

Вике показалось, будто она превратилась в тот самый, легендарный соляной столп. Бренчание ножовки умолкло.

– Короче. Там лезет этот ваш новоявленный Торквемада. Я не хочу с ним связываться. Меня зовут Ярослав. Если захочешь пообщаться – сумеешь найти, ты ведь разведчица. Или я сам тебя найду, Пчелка!

А после этого он просто поцеловал её. Вот так вот подошел и поцеловал в нос, потому что губы её, по обыкновению, прикрывала балаклава. Вика моргнула раз и второй. А парень

исчез, словно вылетел в трубу. Только в поганом магазинишке ни батарей парового отопления, ни тем более печи не было и в помине. Куда же он мог деться?

Вика выскочила в подсобку. Следом за ней скрипели по битому стеклу тяжелые ботинки Терапевта.

* * *

– Та, може, его и не було? – Данила скосил на неё глаза.

– Нет, ты мне скажи! – настаивала Вика. – Кто у нас Ярослав?

– Та Ярославов шо рыбы в пруде. – Терапевт выпустил из носа дым. – Може, ты бачила Ярослава Засалюка?

– Не. Того я знаю.

– Може, Коробченкова Ярика?

– Не. Этот вообще не наш. Пойдем-ка на «броню». Матадор что-то долго молчит...

– Терапевт, Пчелка! Вызывает Матадор! Собираемся на «броню»! – будто подслушала её рация.

– Матадор! Вызывает Лава! «Броня», ответь Лаве!

Услышав голос дяди Ильи, Вика приостановилась.

– Говори, Паровоз, – отозвался Стас. – Матадор слушает тебя.

– Я за Пчелку. Где она?

– С нами, на «броню».

– Рано утром с той стороны стали пуляться «снежками». Один прилетел к нам на двор. Галке не повезло. Всё собрал быстро. Только левую ногу два часа искал.

Вика замерла, прислушиваясь к надсадному шипению из рации у левого плеча.

– Нашел? – спросила рация голосом Матадора.

– Всё, что нашли, в домовину положили, – был ответ, и сразу, без перерыва повелительный баритон Стаса:

– Пчелка, Терапевт, вызывает Матадор. Жду вас на «броню».

– Терапевт идет на «броню», – отчеканил Данька.

Он крепко ухватил Вику за капюшон «кикиморы» и дернул, заставляя двинуться с места.

– Ходу! Ну же! Переставляй ноги!..

* * *

Одежка в облипочку, привядшие титьки наружу, на голове блондинистый «вавилон», глаза густо подведены черной тушью. Аляповатая, навязчивая подача изрядно побитого жизнью, обвисшего на боках тельца. Маргарита Середенко ещё не дожидаясь до честной государственной пенсии, но уже перешагнула через пятидесятилетний рубеж и была лишь на пару лет старше Викиного отца. Старая, гламурная кляча! Дешевка! Вика старалась не смотреть на тещу отца, сосредоточив внимание на детях.

Наверное, и её дочь, вторая жена Ивана Половинки, Галя, вылезла из материнской утробы с таким же броским «мейкапом» на лице. А тушь у престарелой блондинки водостойкая, не смывается и потоками горючих слез.

– Галка-то, Галка! Ай, доча моя!.. – прошептала Маргарита Середенко, распахивая объятия.

– Ты бы хоть умылась, что ли, – пробормотала Вика, отстраняясь.

– Не смеется. Це татуаж.

– А одеться? – Вика дернула Риту за бретельку желтой, отделанной кружевом маечки. – Кофту надень!

– Шо це ести, Викторья? – Молодая бабка таращила глаза, даже не пытаясь прикрыться.

– Эсвэдэ, винтовка, – холодно ответила Вика.

– Шо такой больший? Гляди, ремень титьку расплющил! – Маргарита попыталась заступить ей дорогу, встала поперек двери.

Шурка стала с бабкой рядом, плечом к плечу. Малая смотрела на старшую сестру молча, исподлобья. Давно немытые, белобрысые волосы девчонки были заплетены в две тощенькие косички, заканчивающиеся синими бантами.

– Шо на тоби за одежда? – продолжала теща её отца.

– Нормальная одежда. Стил «милитари».

– Ох! – Маргарита внезапно осела на пол, под ноги Вике, демонстративно хватаясь за сердце.

Вика разомкнула руки. Коробка с грохотом упала на пол. Банка сардин с синей этикеткой, растворимый кофе в блестящем пакете, несколько плиток шоколада рассыпались по давно немытому полу.

– Шо це? – Рита бессмысленно пялилась на еду. Шура и Петруха принялись ползать по полу, собирая рассыпавшуюся снедь. Петруха тут же вцепился зубами в шоколад.

– Тут хватит на пару недель, – проговорила Вика, поворачиваясь к двери, но Рита крепко сомкнула пальцы на её щиколотке.

Крепкая у бабули рука. И в горе не ослабела.

– А Галку хоронить кто ж буде?

– Ты! Твоя дочь – ты и хорони.

– Я одна не могу! Глянь на них – це ж круглые сироты! И ты их оставляе...

– «Не могу»! – передразнила Вика родственницу. – А ты знаешь, почему Галку убили? С кем она якшалась? Какие делишки вертела?

– Шо?!

– Может, за дело убили? Может, давно заслужила – зажила, как говорится?..

Ответом ей стал отчаянный рев Шуратки.

– Мама!.. Мама!.. – ныл Петька.

– Побачь! Они всё понимае! Горьки сироты! – Рита тыкала указательным пальцем в детей.

Облупившийся лак на её ногте вызывающе блеснул. В комнате пахло чужим потом и застарелой пылью. Вика огляделась. За время её отсутствия жилище семьи Половинок переменялось до неузнаваемости. Вроде бы и вещи на месте, но расставлены иначе. В доме давно не прибрано, душно. Вика распахнула балконную дверь, вышла наружу. Вот он, родной бук. Ах, как далеко ушли те времена, когда она, наперекор запрету бати, порхала с балюстрады на толстый сук и обратно.

Стараясь унять злобу, Вика уставилась вниз. Оттуда доносился прерывистый стрекот мотора. Терапевту наконец удалось раскопегарить старенькую «Ниву» – их пятнистый «джихадомобиль» с пулеметом в кузове. Илья Хоменко – позывной Паровоз – уже устроился в кузове, пристегнул своё кряжистое тело ремнями к задней стенке кабины.

Задержись она ещё хоть на пару минут, и верные товарищи унесутся в пыльную даль. Стараясь не смотреть по сторонам, она пробежала через комнату к двери на лестницу. Но беспрепятственно выскочить наружу не удалось – молодая бабушка и её юная внучка плотно обосновались на пороге родимого жилья. Обе приняли одинаковые позы, подтянув ноги к подбородкам. Физкультурницы! Петруха стоял чуть в стороне, неуловимо знакомым жестом прижимая к животу грязного плюшевого мишку.

Вика обернулась. Гроб стоял на столе в меньшей из комнат. Дорогая домовина – лакированная, с кистями. Галина, женщина, носившая одну с ней фамилию, лежала в нём по покойническому обыкновению, сложив руки на груди. Тоненькая свечка догорала между её пальцами.

– Бачила б ти у що вина перетворилася. Навить таке кам'яне серце здригнулося б! Так ти подивися! Видкривши труну-то! – сухим, трескучим голосом щебетала Маргарита.

– Что, от крестного нет писем? – без надежды, сама не ведая, к кому обращаясь, спросила Вика.

Шурка ответила ей, превозмогая рыдание:

– Нет. Только одно письмо и было – тогда, давно. А больше – нет... Я каждый раз проверяю почту, когда есть Интернет. А днями повторила последнее папкино письмо...

– Надо было от себя написать... – буркнула Вика.

– Треба було самої написати. Навищо тебе в інституті батько вчив? – вставила свої п'ять копеек Рита.

– Если опять будет обстрел, бегите на шахту, в бомбоубежище, – посоветовала Вика.

Шурка продолжала рыдать. Петруха молча грыз шоколад. Вика тяжело вздохнула, в последний раз глянула на Галку. Эх, узковата дверь родимого жилища! Но там, у подъезда обшарпанной пятиэтажки сбивчиво тарыхтит «Нива». Вика не может вернуть жизни родителям брата и сестры, но она ещё может воевать.

Она перемахнула через головы Шурки и Маргариты, подошвами ботинок нечаянно задев бабкину причёску.

– И ничего не говорите мне, не стану слушать, – бормотала она, сбегая вниз по грязной лестнице.

Сквозняк гнался за ней, заигрывал с прядями расплетшейся косички. На лестничной площадке пятиэтажки не осталось ни одного целого окна.

* * *

Сначала проснулся смартфон, издав коротенький, мелодичный писк. Экран засветился и погас. Неугомонный подарок дочери никогда не ведал покоя. Бдел днём и ночью, поставляя владельцу насущную информацию. Этот коротенький писк в половине седьмого утра сигнализировал о пополнении списка входящих писем в электронном почтовом ящике имени Александра Травня. Любопытно, от кого?..

Сашка продрал глаза и заводил толстым пальцем по сенсорному экрану. Одна за другой всплывали цветные вкладки. Самой навязчивой из всех оказалось изображение бородастого юнца, с нарочитым сладострастием таращившего ясные очи в объектив камеры. В телефоне нашлись бы и другие портреты тонкурокого и голенастого модника, доставшегося Сашке по наследству вместе со смартфоном.

Донашивая за дочерью гаджеты, можно много интересного узнать! Неужели Маруся встречается с таким? Стараясь избавиться от дремы, Сашка таращился на экран. Куда катится этот мир? У ясноглазого бородача штаны не прикрывают щиколоток и шнурки лилового цвета! Нет, такая техника не для Травня – лишние картинки показывает. Надо включать компьютер, потому что письмецо, упавшее на почту, пришло из Пустополья, с адреса *ipolovinka@ukr.net*. Но сначала сварить кофе! Без кофе нельзя ничего читать в такую рань.

Травень прошлепал по гулкому коридору на кухню. Квартира была пустой – Елена и её лохматые питомцы отправились на прогулку. Но всё равно, повинувшись укоренившейся привычке, он ступал осторожно.

Браузер сработал быстро. В диалоговом окне Яндекс-почты непрочитанные письма выделялись черным жирным шрифтом. Таких нашлось всего два, и одно из них – от Ивана. Сашка пробежал письмо взглядом несколько раз. Кажется, он уже читал это раньше, но не откликнулся тогда. Занят был. Чем?.. Он во второй раз перечел письмо. Обычная неуклюжая стилистика, свойственная его школьному другу, но изложено вполне связно. Вряд ли Ваня был пьян, когда писал это письмо. Надо бы ответить. Узнать номер лицевого счета. Или поискать

в старых письмах? Нет, лень. Раз уж Ванька хочет денег – пусть потрудится повторить. Травень нажал на баннер «ответить», быстро набил пару строк и отправил послание.

* * *

Умничка Пенелопа стремительно перебирала лапками впереди Лены. Зимний полдень мог бы показаться совсем мрачным, если б не свежавывающий снежок. Дворники ещё не успели изничтожить последствия природного катаклизма, и подошвы коротких сапожек извлекали из белого покрывала музыкальный скрип. Снег приносил и иную радость – тишину. Город, словно обернутый в вату, почивал до следующей оттепели.

Новогодние праздники давно минули, а до весны ещё далеко. Зима начинала надоедать, но Лене пока удавалось справляться с досадой. Парковка перед домом оказалась полупустой: старенький «мицубиси» – имущество мужичка с седьмого этажа, ржавые «жигули» дворника, «хёндай гетц», принадлежащий этой толстожопой пигалице – Аленке и её, Ленина, машина. Вернее, не её, мужнина, любимое чадо старого птеродактиля.

Выводя на прогулку Пенни, она оставила мужа сидящим в машине. Что он в ней потерял, куда собрался ехать – она не спросила. Надоели постоянное вранье и отговорки. Человек должен трудоустроиться, должен работать. Особенно мужик. Но только не птеродактиль!

Он особый. Ему не удался первый брак. Он герой! Он пострадал на войне. Он перебрал чудовищное количество баб, пока она, Лена, не подобрала его и сделала из него того, кто он есть – птеродактиль...

Черт! Черт! Нога, обутая на настоящую австралийскую уггу, поехала вперед. Лена упала на правое колено. Милая девочка – Пенни – обернулась, смиренно уставилась на неё. Надо купить лучшей подружке новую одежду – расшитое блестками пальтецо цвета фуксии уже изрядно истрепалось.

Лена отряхнула снег со штанины, подняла голову. Вон оно! Вернее, она – толстозадая соседка с седьмого этажа, Аленка бежит к подъезду. Одета, как обычно, черт знает во что. Джинсы фасона «бойфренд» – любит же молодежь такую дрянь! – ботинки кошачьей, леопардовой окраски, из дыр на коленях выглядывают розовые коленки, на башке шапка с дурацким помпоном, руки в карманах штанов. Толстожопая пацанка! Откуда это она в таком виде? Лена ещё раз, просто для порядка, глянула на «туарег» мужа.

Морозный воздух над задним бампером уже не туманился. Стекла очищены от снега. Салон пуст. Значит, «птеродактиль» продолжал сидеть на яйцах в своем гнезде. Хорошенькое гнездышко! «Фольксваген Туарег» 2010 года выпуска с небольшим пробегом и незначительным количеством царапин на кузове. Салон – свиная кожа, коробка – полуавтомат, хорошая аудиосистема. В таком гнезде приятно тискать молодых.

Лена ещё раз посмотрела вслед Аленке. Ножки – кегельками, попка – сердечком, спину на две части делит длинная коса. На что такая девка тратит молодость? Не надоело разве оглаживать лысую башку старого баобаба? Нет, не баобаба. Сегодня она будет называть Сашку «птеродактилем». Итак, «птеродактиль» остался в «туареге» один.

Впрочем, завидев её, «звероящер» выказал почтение – вылез наружу, и Лена снова, в который уже раз изумилась. Как такая махина может помещаться в автомобиле, да ещё кувываться там, сливаясь в экстазе с не мелкой, по сути, девкой? До «фольксвагена» у них был седан «мицубиси лансер». Тоже не маленькая машина, но в ней Травень упирался грудью в руль. «Туарег» просторней, но и там «птеродактилю» тесно.

Он заглушил мотор, запер автомобиль, потащился следом за Леной к подъезду, являя полнейшую покорность. В лифте с ним слишком тесно. В прихожей слишком душно. У него огромные легкие, потребляющие весь кислород без остатка.

– Неандерталец ты, Травень! – фыркнула Лена.

– Спасибо за комплимент!

Черт, давала же себе слово не скидывать брови. Вдоль лба пролегли муравьиные тропы – тошно в зеркало смотреть. Надо собраться, сосредоточиться мышцами. Лицо должно оставаться неподвижным. Лена тревожно всматривалась в зеркало, пытаясь зарегистрировать изменения в едва намечавшейся сеточке на внешней стороне правого глаза.

– А ты кто? – усмехнулся муж.

Такой, с улыбающейся рожей, «птеродактиль» ещё больше похож на пещерного жителя. Зубастая улыбка и этот прищур, который так нравится бабам – какая гадость!.. Липнут к нему, по сей день липнут. Да откуда же им знать, что он собой представляет на самом деле? Ведутся на статью, широкие плечи. Конечно, в Сашке есть некий шарм. В каждом движении тела мощь и размах. А голова где?.. А душа?.. Циник. Неандерталец!

– Я, разумеется, современный человек. Разве не заметно? – Лена потрянула светлыми волосами.

Почему он так смотрит на неё? Что задумал? Сейчас скажет какую-нибудь гадость.

– Ты не в курсе современных достижений науки...

Вот оно!

– Я?!

Черт! Брови опять приподнялись, собирая кожу на лбу в отвратительные складки.

– Палеонтологи нынче считают, что неандертальцы были более высокоразвитыми существами, чем предки современного человека. Они вымерли лишь потому...

– Ну, во-первых, не вымерли, а во-вторых... – Лена, не отводя взгляда от зеркала, провела рукой по волосам. – Почему ты меня опять оскорбляешь?

– Да брось ты! – «Неандерталец» скорчил скучающую мину и вознамерился ретироваться на кухню.

– Почему так чесноком воняет? Ты жарил котлеты? Я же просила не ложить в фарш так много чеснока! И потом, ты какой сковородой пользовался?

Звонкий голосок Лены гнался за «неандертальцем» по узенькому коридору до тех пор, пока тот не шмыгнул в туалет.

– Не ложить, а класть, – слышалось из-за двери.

– Кладут глаз на баб и говно в толчок! – парировала Лена.

Для большей убедительности, она ударила ладонью по двери туалета. Пенни брызнула из-под ног на кухню. Лена последовала за ней. На запрещенной к употреблению тефлоновой сковороде жались друг к другу продолговатые тельца котлет. Лена, не удержалась, отщипнула бочок у одной.

Котлеты хоть и пахли чесноком, оказались на удивление вкусны. Овощной салат, хоть и крупно порезанный, тоже пришелся кстати. Лена навалила полную тарелку еды, наполнила разрисованный собачками бокал свежесваренным чаем, села к столу. Пенни была тут как тут. Карие глаза-бусинки смотрели на хозяйку снизу вверх со знакомым преданным вниманием. Собака проводила когтистой лапкой по её ноге сверху вниз.

– Кто тут хочет кушать? – Лена склонилась к собаке. – Кто голодненький?

Она подхватила Пенни под живот и водрузила на стол. Потом крошила котлету на кусочки, вкладывала их в узкую пасть левретки, не переставая ласково ворковать. Пусть «птеродактиль» слушает, пусть понимает, сколько потерял, что разменял на баб!

Раздражение, злость, ревность сбились плотным комом в нижней части пищевода. Есть расхотелось. На столе, под боком холодильника стояла полупустая бутылка «Блэк лейбл»... Нет, сейчас нельзя. Скоро собираться на работу.

Из туалетной комнаты тянуло сигаретным дымом, но раздражение Лены иссякло. Рубленое мясо пришлось очень кстати. Да и Пенни, казалось, была весьма и весьма довольна. С тихим цокотом переставляя лапки, она ходила по столу и слизывала со скатерти последние

крошки. Лена прикинула в уме. Да, пожалуй, она не ела мяса уже дней десять. Надо поблагодарить «неандертальца». Пусть порадует её добротой.

– Сашок! – проворковала она. – Котлетки удались! Спасибо!

Она причмокнула губами так, чтобы было слышно в прокуренном туалете. Однако «неандерталец» не сразу вылез из своего дымного убежища, а явившись на кухню, первым делом скинул собаку со стола. Просто шевельнул широкой десницей пещерного человека, и Пенни с тихим писком сверзилась на пол. «Звероящер» уселся к столу. О чем-то задумался. О толстазадой Аленке мечтает, не иначе, но смотрит пока миролюбиво.

– Послушай. Я получаю письма из Пустополья. Первое ещё осенью пришло...

Надо же! Говорит человеческим голосом, да ласково так! Уселся напротив, смотрит в лицо, не отводит взгляд, как обычно. Но так ещё хуже, ещё больше лжи. Наверное, с Аленкой проблемы – не дает. Лена вскочила на ноги.

– Послушай! – Она потратила последние силы, удерживая вопль.

А вид сверху у муженька тоже препоганый. В принципе ничего плохого нет в том, что лысеющие мужчины выбривают начисто волосы. Но когда бильярдный шарик становится матовым, покрываясь свежей порослью, когда волоски серебрятся, а кожа под ними блестит, как первый осенний ледок, возникает соблазн разрушить эту мерзость, расколоть, разметать! Лене и на этот раз удалось преодолеть опасное желание ударить «птеродактиля» кулачком по макушке. Да и Пенни требовала внимания. Собака прыгала по полу, тихонько поскуливая.

– Бедная моя! Пенюшка!.. Кто обидел мою девочку?.. Знаю, знаю кто – злой дядя-неандерталец! Вот мы его накажем!..

– Прости! – каркнул «птеродактиль». – Просто не люблю, когда Пенни по столу ходит. Собака всё-таки.

– «Прости»! – Лена подбоченилась. – Вот так вот просто – «прости»? А ещё чего хочешь? Может, лысинку твою отполировать? Может, ногти на ногах постричь?..

– Послушай... Лена, – казалось, «птеродактилю-неандертальцу» стало не по себе. Наконец-то проняло! Надо дожать.

– Тебе слишком много позволено. Мне известны твои тайные мысли! Конечно! Широкие плечи, улыбочка, тренажерный зал и это твоё железное... гнездо! Скоро на шестой десяток перевалит, а бабы до сих пор на улице оборачиваются. Загляденье – не мужик!

– Лена! – «Птеродактиль» показал звериный оскал. Улыбается, скотина! – Я же не виноват, что дамы оборачиваются? Не заковать же всех в ортопедические воротники!

Он ещё шутит!

– Ну что ты лыбишься?! Что?! Лучше бы вспомнил о том, каким я тебя подобрала! Еле живой инвалид, пьяная развалина, мастурбатор! Откуда что взялось? Плечики-то расправились! Вместо кровавых помоев во рту металлокерамика. Нет, ты мне скажи, скажи когда тебе в последний раз снился Кандагар? Что молчишь?.. Не я ли сушила простыни, когда ты ссался под себя?

– Послушай...

– ...да, ты был голодранцем. Ты и сейчас голодранец...

«Неандерталец» снова ретировался в прокуренную берлогу. Замок на туалетной двери щелкнул. Лена подбежала к двери и со всей силы ударила ладонью по ней. В ответ – ни звука, лишь Пенни пискнула где-то на кухне. Но всё-таки стало легче.

– Я ухожу на работу, – спокойным голосом проговорила Лена.

В ответ снова тишина.

– Ну хорошо! Когда ты выйдешь, я снова постучу по твоему панцирю.

А потом случились новые досады: ремешок на обуви не хотел застегиваться, пояс юбки впивался в бока, ключ от входной двери спрятался в ворохе шарфов, небрежно сваленных на стуле в прихожей.

А потом – работа. Вездесущий запах эфира, бисеринки пота на лбу, надоедливое бормотание Эльвиры, напряженные лица пациентов. Ни хорошая анестезия, ни качественные расходники, ни современное оборудование – ничто не может уничтожить страха пациента перед стоматологическим кабинетом.

Под вечер явился старый аллергик, и они с Эльвирой битый час слушали его стоны и хрипы. Непереносимость зубоврачебного наркоза – большего невезения невозможно и вообразить.

Лена вернулась домой в десятом часу, когда «неандерталец» уже спал. Перед сном он, похоже, помирился с Пенни, потому что собака мирно дремала у него в ногах.

Наутро он выглядел виноватым. Бесшумно носил своё большое тело по квартире, изо всех сил стараясь не попадаться Лене под ноги. Холодные, рыбы глаза его, как обычно в таких случаях, подернулись влагой и стали похожими на мартовские сосульки.

– Тебе к которому часу сегодня? – наконец решился заговорить он.

Лена долго не удостаивала «птеродактиля» ответом. Ему не раз и не два пришлось повторить свой тривиальный вопрос. Она варила кофе на кухне, смаковала коричневый, пахнущий корицей напиток, обернувшись спиной к опостылевшему семейному мирку, в котором и все корысти-то – она сама, «неандерталец» и собачонка. Он подошел сзади, попытался обнять. Он всегда так делал. Давно изведенная ею, но всё равно странная нежность огромного, утратившего силы зверя, вернула начавшее было затихать раздражение.

– В первую смену, – буркнула она. – А это значит, что мне надо уходить прямо сейчас. Понял? И я хочу допить кофе! Понял?.. Я работаю! Понял?

Он отступил, спрятав огромные руки за спину. Проклятая, хищная улыбка не покидала его лица. Он радуется её гневу. Он торжествует.

– Будь ты проклят! – прошипела она. – Ты разрушил мою жизнь!

Он исчез. Лена изумилась. Да, они прожили вместе пятнадцать лет, но она никогда не переставала удивляться этой его способности мгновенно исчезать и появляться. Она прожила треть жизни под одной крышей с животным. Диким, живучим, хищным, коварным животным.

– Птеродактиль, неандерталец, животное... – бормотала Лена, натягивая джинсы, и верная Пенни подлаивала ей.

* * *

Из-за двери доносились звуки музыки. Алена пыталась вспомнить название мелодии. Что-то испанское или итальянское?.. Травень и его Ленка на отдых обычно отправляются именно в те края. Позвонить или уйти? Ленки дома нет. Алена видела, как жена Травня выскочила из подъезда. Её рыжую курточку из беличьего меха невозможно не узнать.

Итак, жена умчалась в сторону метро, муж остался дома один. Можно нажать на кнопку звонка, можно зайти, но надо придумать предлог. Алена прислушивалась к плавным звукам трубы. Музыкант несколько раз сбивался, начинал с самого начала, останавливался, будто находя в своей игре изъяны. Потом он снова принимался выводить мелодию – всё время одну и ту же. Как же она называется?.. Ах, вот и повод! Алена нажала на кнопку звонка несколько раз к ряду. Мелодия умолкла. Дверь распахнулась через мгновение. Травень, крупный, чрезвычайно сильный и неповоротливый на вид мужчина обладал удивительной способностью передвигаться совершенно бесшумно. Вот он стоит перед ней с трубой в руке. Полосатый тельник накинут на плечи, глаза прищурены, улыбка блистает. Сейчас станет вышучивать её. Ну и пусть!

– Соскучилась? – Вот первый коварный вопрос.

– Нет. Хотела только спросить...

– Или рассказать?.. Ах да! Мелодия называется сицилиана. Иоганн Себастьян Бах. Так что ты хочешь рассказать?

– Ничего...

– Да ты зайди. Что стоять на пороге? – Он отступил в сторону, положил трубу на стульчик, поверх ленкиных шарфов, стянул с шеи тельняшку. Может быть, сейчас он её наденет и у неё всё пройдет?

– У меня там...

– На плите молоко убежало? – Сашкина улыбка сделалась шире двери. Чеширский кот обзавидовался бы. – Заходи, не бойся. Ты же хочешь что-то рассказать.

Надень он тельняшку, можно было бы и войти. А так... Алена попыталась не смотреть на Травня. Глаза, улыбка, тело!.. Так хочется потрогать, снова прикоснуться к белому шраму под правым соском, к животу, обхватить сзади за шею и поцеловать голову над ухом. Почувствовать, как он дрогнет, испытывая первый порыв возбуждения. Нет, лучше уж смотреть на цветной ворох ленкиных шарфов или, ещё лучше, бежать немедленно!

– Не бойся. Я не стану приставать. Просто выпьем... чаю, поговорим. Ты расскажешь мне, как живешь с ним. А то в прошлый раз – помнишь? – сбежала. Ленки моей испугалась. Зачем? Почему? Ведь хочешь же что-то рассказать. Ну? Как живешь? Начинай!

– Я хорошо живу. – Алена, наконец, решилась посмотреть на него.

Травень больше не улыбался. Наоборот, стал нарочито серьезен, холодные, серые глаза его потеплели, увлажнились. Так ещё хуже. Пусть бы лучше улыбался!

– Я часто вспоминаю о тебе. Видела, как Елена выскочила из дому, и вот решила... – Ох, зачем она говорит это?!

– Давай не будем о нас. Ладно?

Но Алена уже не могла остановиться.

– ...я напрасно так жестоко поступала. Я не бессердечная. Думаешь, не понимаю, как ты скучал... просто я хотела отомстить... это глупо, по-детски... но я просто хочу, чтобы ты был счастлив. Понимаешь?

– Понимаю...

Ну зачем, зачем он смотрит на неё с таким выражением? Зачем вытирает тельником пот со лба? Может, ему опять нездоровится? Скоро, завтра начнется оттепель. Наверное, рана тревожит. Там, на спине, пересекает обе лопатки другой шрам – глубокий, извилистый след осколка. «Там спрятаны мои крылышки, – шутил Травень. – Когда-нибудь я их снова расправлю. Вот увидишь».

Хороша же она со своими фанабериями! Алена сделала один лишь шаг в прихожую и тут же, мгновенно, на её запястье сомкнулась его тяжелая ладонь. Короткий шрам под правым соском оказался рядом с губами. Знакомый запах ударил в голову. Травень по-прежнему пользовался простецким одеколоном «Шипр». «Настоящему мужчине “Шипр” пригоден как для наружного, так и для внутреннего применения», – так говорил он ей. И ещё: «Это запах Кандара. Там иного было не достать». Она недоумевала. Есть же современные, модные, изысканные ароматы. К чему держаться за запах умершего совка? Повинуясь непреодолимому порыву, она ткнулась носом в беленькую полоску шрама и тут же ощутила знакомую, желанную, уносящую в заоблачные дали мощь.

– погоди, я хоть дверь прикрою. – Травень снова засмеялся. – И учти: у нас только час. Ленка ушла не на работу, а к косметологу...

* * *

Он курил только самокрутки. Сигареты драли горло. Совсем другое дело – рассыпчатый табачок. Фильтры, табак, бумага – всё лежало в специальной коробочке на балконе. Сашка

выпустил изо рта сладковатый, пахнувший яблоком дым. Пенни крутилась под ногами, назойливо поскуливая. Как поступить? Опять втянуться в двойную жизнь? Опять превратиться в боязливую тряпку? Ведь знал он, ведь чувствовал, что с Аленкой не кончено.

В области лопаток знакомо заныло, словно крылья зашевелились под кожей. Сашка поморщился. В полевом госпитале на всех не хватило наркоза, отправить на вертолете тяжелых раненых долго не представлялось возможным. Пряников оперировал его на живую, лишь обколол рану новокаином. Вот тогда-то он, Сашка, впервые почувствовал, что такое иметь крылья за спиной. Волнение ли, непогода – они начинают шевелиться да так неистово, что порой и уснуть невозможно.

Как быть с Аленкой?.. И прогнать невыносимо, и вместе не быть. Двадцать три года разницы! Да она всего на пару лет старше Маши...

– Бабник я, Пенни, – посетовал Сашка. – Практикующий, гадкий бабник!

Собака в ответ только горестно вздохнула. Её голое тельце сотрясало от холода. Не простыла бы. Сашка раскурил ещё одну сигаретку. Вообще-то противная тварь. Нет, не Лена, её собака. А Лена... В любом случае он много хуже её и потому ей не судья. Да и просто не судья, без «много хуже».

Внизу хлопнула дверь подъезда. Сколько времени минуло после того, как жена грозила ему, дескать, поднимется к Аленке и задаст ей жару? Наверное, минут двадцать. Четыре этажа, восемь маршей – если спускаться бегом, потратишь не более трех минут. Лена все не появлялась на площадке у подъезда. Неужели действительно поднялась к Алене? Эх, хоть бы она сама его бросила, освободила, вытолкнула! Нашла бы себе толкового мужика, а так – всё равно не жизнь.

Наконец, Сашка с облегчением увидел, как Лена выскочила из подъезда. Оттепель сменилась морозами, но свежий снег пока не выпал. Тут и там зияли темные пятна луж. Прохожие аккуратно, опасаясь не оскользнуться, обходили их. Елена же перла в своей обычной манере, напролом. Холодное стекло льда ломалось под подошвами её уг. Пару раз она поскользнулась. Один раз смогла устоять самостоятельно, другой – её поддержал импозантный господин зрелых лет. Елена посмотрела на него, зарделась. Всё-таки она еще реагирует на мужиков. Может быть, их непомерно затянувшийся, несчастливый брак не до конца изуродовал её? Но вот она опомнилась, подняла голову, встретилась глазами с Травнем и беспокойно вырвала локоть из затянутой в лайку руки незнакомца.

Елена уходила по серому тротуару, мужчина смотрел ей вслед, Травень смотрел на мужчину. Он не первый раз видел этого господина, появившегося в их доме недавно. Это случилось после новогодних каникул. Смакуя табачок на балконе, Травень видел, как подкатило такси, и этот самый незнакомец выгрузил из багажника объемистый, свиной кожи чемодан. Сашка не наблюдал жизни соседей. Знал лишь Аленку, но этот человек, по какому-то странному стечению обстоятельств, уже не раз успел попасться ему на глаза. Загорелый, лощеный, совсем чужой, он постоянно цеплялся за Сашку темным взглядом, будто хотел спросить о чем-то и не решался.

В тот день господин долго топтался перед их подъездом, внимательно читая номера припаркованных машин. Особое внимание он, разумеется, уделил «туарегу» Травня, чем и привлек его внимание. Сашка не уходил с лоджии, курил сигареты одну за другой. С пятого этажа не слишком-то удобно рассматривать человека. Черный, странного кроя берет, длиннополое дорогое пальто, шелковое кашне, очки с темными, матовыми стеклами, прямая осанка, легкая стремительность движений – вот всё, что смог запомнить Травень.

Незнакомец скрылся в подъезде, Сашка вошел на кухню. Коробку с курительными принадлежностями и зажигалку он сунул в карман брюк, зачем-то схватил Ленкину чашку с собачками. Дверной звонок задребезжал, подтверждая самую невероятную из его догадок. Когда Сашка распахнул входную дверь, господин в черном берете стоял перед ним во всей своей

изысканной красе. Одного с Травнем роста, но уже в плечах и талии да и годами чуть постарше, он, пожалуй, выглядел несколько неестественно в своем длинном пальто из мягкой, дорогой материи. Раструбы дорогих перчаток торчат из кармана, кисти рук погружены туда же. Вот сейчас он покажет их Тарвню, и окажется, что пальцы гостя тонки и унижены дорогими кольцами. Какие камни он предпочитает: бриллианты, рубины, аквамарин? Какой металл: белое или красное золото?.. Чашка с собачками выскользнула из руки Травня, полетела к порогу по странной траектории. Чудные дела творятся с этой посудой! Он ведь и не бросал её, но получилось так, будто бросил. Гость поймал чашку, не совершая излишних телодвижений. Короткий взмах руки, и черный камень, обрамленный в желтый металл мелькнул перед лицом хозяина квартиры. Эх, как же Травень не догадался!

– Это – черный сапфир. А это – чашка вашей жены. Вы и находчивы, и изобретательны. Савва Олегович не ошибся в вас.

Цивильная, брендовая одежда не очень-то вязалась с офицерской осанкой и стремительными движениями опытного охотника. Да, господин явно был армейцем, причем совсем не штабным сидельцем, а полевым, окопным драчуном.

– Меня зовут Сильвестр, – просто сказал господин. – Мне нужен Александр Травень. То есть вы.

– Проходите, – махнул рукой Травень, отступая в сторону.

Гость, стремительно скинув верхнюю одежду, проскочил мимо кухни сразу в комнату. Станный берет его и дорогое пальто, и лайковые перчатки остались небрежно брошенными на тумбочку в прихожей. Травень бегло огладил вещи. Нет, в ткани не прятались тяжелые и плотные предметы. Он видел, как из заднего кармана брюк гость достал небольшой, бумажный пакет, развернул его, выложил содержимое на стол.

Перед тем как усесться в ленкино кресло, гость практически не смотрел по сторонам, словно бывал в этой комнате не раз.

– Вы знакомы с Еленой? – спросил Травень.

Гость недоуменно вскинул брови.

– С моей женой...

– А! Красивая женщина, но несколько простовата на мой вкус. А на ваш?.. Любовница ваша мне нравится больше.

– Алена? – хмыкнул Травень.

– Да, молоденькая шатенка. Очень удобно. У жены и у любовницы одно и то же имя. Не являясь страстным поклонником женщин, я всё же покорен обаянием русских барышень и дам. О, да!

Улыбка его, в противоположность словам, совсем не казалась нахальной. Травень перевернул плечами. На столе лежали упакованные банковским способом пачки купюр крупного номинала. Это их незнакомец достал из бумажного пакета. Денег было много. Очень много.

– Позволю себе заметить, – прищелец едва заметно смутился. – При помощи денег можно некоторым образом регулировать проблемы, связанные с женской капризностью. Утихомирить э-э-э... нервную почву. Направить в нужную сторону мосты и переправы. Женщины любят и ценят деньги.

– Ты раньше бывал здесь? – Травень продолжал смотреть на беспечно развалившегося в кресле незнакомца сверху вниз.

Что ж тут скажешь! Прическа – волосок к волоску, а волосы-то мы красим. Стесняемся собственной седины? Физиономия и шея разглажены руками массажиста, умащены кремами. Если вытащить кулак из кармана брюк и ударить им по тщательно выстриженной макушке, он очнется часа через два, не раньше. Это первое. Если мужик – постоянный клиент салона красоты, если ухаживает за собой, как какой-нибудь пидор, то почему тогда его, Травня, не боится?

– Я не гей и уж тем более не любовник вашей жены, – проговорил гость. – Бить по голове меня не стоит. Я – полезное существо. Даже для вас. И не только. Я работаю на Савву Лихоту.

– Я слышал, Савва разбогател. Неужели вы его мажордом?

Громко хохоча, Травень упал в кресло. Теперь породистое лицо гостя оказалось прямо перед ним. Травень, из последних сил сдерживая смех, посматривал на пачки банкнот. Две пачки розовых, похожих на фантики купюр Евросоюза.

– Смейтесь, – пришелец поощрительно улыбнулся. – Вас изумляет щедрость вашего товарища?

Травень рассматривал складки на лице пришельца, его странный для начала весны, совсем свежий загар, его ухоженные руки, его дорогую, неброскую одежду: рубашка в мелкую клетку, кардиган с логотипом Алессандро Мандзони, струящиеся брюки из тонкой шерсти, ботинки. Гость прошел в квартиру, не разунаясь, но Травень посматривал на обувь безо всякого раздражения. Безусловно, он иностранец, это и по выговору ясно. Россиянин непременно разулся бы.

– Итак, ваше имя?..

– Я назвал себя при начале знакомства. – Он улыбался со сдержанной приветливостью. – Сильвестр. И это моё настоящее имя.

– Хорошо. Пусть будет Сильвестр.

На столике лежала пачка ленкиного «Кента» и зажигалка. Травню хотелось закурить, но для этого пришлось бы отправиться на лоджию, иначе Елена по возвращении устроит грандиозный скандал.

– Итак, мой друг Лихота процветает. – Травень закурил сигарету, затянулся глубоко. Тонкое тельце «Кента» сразу же наполовину истлело. Пришлось стряхнуть пепел в цветочную вазу, стоявшую на журнальном столике между ними – демонстрация непокорности, достойная заключения в Бастилию.

– Зависимость от женщины, – вкрадчиво произнес гость. – До какой-то степени это может быть даже приятно, но не долго.

Травень не выдержал, ещё раз посмотрел на пачки купюр. Такая сумма могла бы решить многие из его проблем и, возможно, добавить новые.

– Савва Олегович предлагает вам хорошую работу. Опасность есть, но с вашими навыками, полагаю, не следует бояться такого рода трудностей. Эти деньги – не плата. Так, командировочные на первый случай. О гонораре Савва Олегович станет говорить с вами лично.

– С моими навыками? – Травень пытался копировать выражение лица незнакомца.

– О да! Боевой опыт Кандагара, Чеченские кампании – первая и вторая... – Пришелец продолжал смотреть на него с наглой пытливостью. – Да мало ли ещё какой опыт! Савва Олегович убежден, что вы владеете всеми видами оружия, главным из которых является ваше собственное тело.

Взгляд Сильвестра, подобно щекотной вши, ползал по туловищу Травня, словно пытался найти скрытое под одеждой оружие.

– Вот те на! – Сашка поежился. – Вы хорошо проинформированы. Тело мое, конечно, перед вами, но в остальном я безоружен. По нашим законам имею разрешение лишь на охотничье ружье....

– На подъезде к Пустополью вас встретит мой человек. В ваших родных местах царит такой... – он смял тонкогубый рот, подыскивая слово, – публичный дом, что разрешение на использование оружия никто не спрашивает. Уверяю, местные жители палят друг по другу из «градов». И это стало обыденностью. Бывшие шахтеры, врачи, учителя, строители...

– Я понял.

– Итак? Вы приобретете билеты?

– Мне комфортней на машине.

– Я отправлю контакты принимающей стороны вам на мейл.

У кардигана Алессандро Мандзони с логотипом «Армани» оказался объемистый внутренний карман. Оттуда Сильвестр извлек тончайший гаджет. Такой модели Травню никогда не приходилось видеть. Сильвестр культурно осведомился по поводу мейла хозяина квартиры.

Смартфон пискнул где-то в районе кухни. Травень отправился за ним. Открыл почту, дабы удостовериться в получении письма. Диалоговое окно почты показало два непрочитанных сообщения. К одному был прикреплен документ в формате Word. Понятно. Это послание нынешнего гостя. Другое письмо отправил банк, и оно содержало выписку из его, Травня, счета. Деньги, перечисленные им три недели назад на лицевой счет Ивана Половинки, вернулись не востребованными. Как же так? Травень водил пальцем по экрану, пытаясь найти переписку с Иваном.

– У меня есть и прискорбные известия.

Сашка дрогнул, едва не выронив смартфон, обернулся. Сильвестр смотрел на него с порога кухни и на загорелом челе его не было и следа скорби.

– Одну минуту... – попытался остановить его Травень.

– Об Иване Половинка и его жене Галине, – гнул своё незваный гость.

– Что?!

– Мне известен номер участка на кладбище, где похоронены обе Половинки. Вот только...

– Что?! А дети? Дети живы?!

– Зачем же так бледнеть? На вас лица нет, уважаемый Алекс.

Мир кружился перед глазами Травня. Белые локоны Елены, темные косички Алены, сапфир цвета ночного звездного неба, кучерявый мальчишка в шортах и с разбитыми коленками – Ванька Половинка. Голос незваного гостя звенел чугунным набатом:

– Вы так расстроились! Мне, право, жаль! Но я не могу удалиться, не удостоверившись. Информация получена вами? В моем письме нет ничего особенного, но всё же... – Он немного помедлил. – В письме содержится информация, которая хоть и с некоторой натяжкой, но всё же может считаться конфиденциальной. Там обозначено место и время встречи с моим помощником – Вестником.

– Погоняло?

– Позывной! В письме указано его имя, которое я не могу произнести вслух...

– Понятно. Неназываемый.

Ему показалось или Сильвестр на самом деле издал носом брезгливый, фыркающий звук? Наконец-то пробрало. Травню вдруг захотелось, чтобы гость исчез. Пусть даже он провалится сквозь пол, оставив по себе лишь клубы серного дыма. Не страшно. Лишь бы пропал. Сашка судорожно тыкал пальцами в скользкий экран смартфона. Всё. Письмо ушло. Может быть, кто-то ответит. Может быть, Виктория жива. Или кто-то из малых... Эх, на что он надеется? Старшая – студентка, малые – школьники, одиннадцать и девять лет.

– Когда, ты говоришь, неназываемый встретит меня?

Снова хрюканье, потом сдержанный смешок и, наконец, культурная, сдержанная речь:

– Через двое суток. Место встречи указано в файле. При подъезде к месту встречи включите рацию. Вестник вызовет вас по номеру машины.

Сильвестр назвал государственный регистрационный номер «туарега» и выложил на кухонный стол черную коробочку полевойрации.

– Передай неназываемому – буду на месте через семьдесят два часа. А пока...

Сашка водил пальцем по списку контактов. Вот он, заветный номер. Маруся, Маняся, Машенька. Но говорить с дочерью в присутствии гостя никак не возможно. Травень поднял глаза. Кухня и прихожая оказались пусты. С тумбочки исчезли предметы шикарного гардероба, исчез и их странный хозяин. Через распахнутую дверь Травень глянул в комнату. Упакованные

банковским способом купюры лежали там, где их оставил гость. Сашка подошел к столу. Он открывал и закрывал глаза, каждый раз надеясь, что банкноты превратятся в резаную бумагу. Но не тут-то было. На журнальном столике перед ним лежали две тысячи евро. На первый случай, как выразился незнакомец.

Смартфон затренькал на разные лады. Пришла смс-ка, пополнился новым посланием почтовый ящик. Начнем с смс-ки. Вдруг это дочь? Так и есть, сразу отозвалась, умница-красавица!

«Буду тебя ждать в шоколаднице на страстном напротив россии, – писала дочь в ответ на его просьбу о встрече, – у меня есть только час так что советую обдумать повестку».

Далее следовала желтенькая мордочка смайлика с забавно сложенными алыми губками. Травень вздохнул. Вправе ли он надеяться на большее?

Теперь надо прочесть и сообщение в почте. А вдруг?.. Сердце ёкнуло в тревожном предчувствии. Ответ пришел с адреса Половинки. Открыв письмо, он поспешил найти подпись. Её не оказалось. Текст же письма оказался ужасающе краток: «Кто вы я не знаю. Но помогите нам. Брат где то бродит. Бабушка бухает. Вика в танке. А я совсем одна и всё время хочу есть».

* * *

Кафешка на Страстном. Мокрый снег тает на оконном стекле, слезами скатываясь на низкий подоконник, превращает огни города, так и не ставшего родным, в разлитую гуашь. Маруся сидит и спокойно, сосредоточенно смотрит в планшет. Сидеть напротив неё и просто смотреть на родное личико – вот оно, счастье. Впрочем, Травень давно привык к тому, что счастье редко бывает полным. Дочь сидит напротив него, но её нет рядом. Словно это не она вовсе, а выставленное на комод изображение в рамке, Live Photo, имитация присутствия. Но всё таки это лучше, чем ничего.

– Что ты будешь пить, Маруся? Кофе?

– Нет. Я сегодня уже выпила три чашки.

– Чай?

– Ты же знаешь, я не пью чай в таких заведениях.

– Что тогда? Глинтвейн?

Травень листал барное меню.

– Может быть, вино? Красное или белое? Бокал шампанского за встречу?

– Воду без газа. Лучше «Ивиан». Впрочем, в такой забегаловке...

На её ресницах ещё искрились крохотные капли «снежной росы», но лицо хранило отстраненное выражение. Дочь ревностно оберегала рубежи собственной независимости. Непреодолимая преграда. Пропать, отвесный склон – какая разница! Дочь не с ним.

– А поесть? Еда! Пища! – Травень помахал рукой, пытаясь привлечь внимание дочери.

– Воду без газа и салат. Любой салат. – Она недоуменно уставилась на него. – Что с тобой? Ты злишься?...

Салат, кофе и «Ивиан» принесли быстро. Официант налил воду в стакан. Маша сделала полплотка и отставила стакан – слишком холодная. Дочка любит всё нейтральное. Ни холодного, ни горячего не приемлет.

– Может быть, тирамису? Хочу хоть чем-то тебя угостить. Я сегодня при деньгах.

Дочь с нескрываемой иронией глянула на отца.

– Ты платежеспособен?

– С деньгами нет проблем. – Сашка заерзал. – Я нашел высокооплачиваемую работу в Пустополье.

– Странно! – Она явно заинтересовалась, даже отложила в сторону планшет, даже сняла очки. – Обычно из тех краев едут на заработки сюда. Откуда там может взяться высокооплачиваемая работа?

– Ты же знаешь, я умею устраиваться. – Сашка из последних сил старался казаться беспечным.

– Ты продал машину? – В её голосе звенела приятная тревога.

– Нет, что ты! Я на ней и еду...

– А-а!..

– Я получил аванс.

Дочь заволновалась не на шутку, быстро глотнула воды из стакана, позабыв, что та еще не согрелась.

– Я еду в Пустополье. Завтра. И, вероятно, надолго. Настаивал на встрече, потому что хотел проститься.

– Понятно.

Маша нацепила очки и снова уткнулась в планшет.

– Я еду в Пустополье, – повторил Травень.

– Я слышала. – Экран планшета отбрасывал цветные блики на стекла её очков. – Если тебе понадобятся деньги...

– Деньги есть.

– Откуда? Играл в подземном переходе на трубе? Там тебе дали аванс?

Она открыла сумочку. Деньги извлекла быстро, видимо, точно помнила, в каком из кармашков они лежат.

– Тут двадцать тысяч, – она кинула на стол сложенные вдвое розовые пятихатки. – Больше дать не могу. Не возьмешь – обижусь.

Это любовь или дочерний долг перед стареющим отцом? Нет, скорее всего, минутная концентрация, вспышка дочерних чувств и последующее, мгновенное охлаждение, отвержение, отторжение.

– Я отдам, Маша.

– Это в том случае, если ты вернешься, – рассеянно отозвалась она.

– Как я могу не вернуться? – изумился Травень. – Пусть там э... вооруженное противостояние, но я ещё вполне способен...

– Да ты способен. Сначала Афганистан. Ну, в том случае, положим, у тебя не было выбора. Но потом! Первая Чеченская война, вторая Чеченская война... А ведь тогда у тебя уже была я! Но ты оставил нас, ты пошел воевать. Добровольно!

Такой он её никогда не видел. Горячится, почти кричит. Посетители кафе за соседними столиками посматривают на них с веселым изумлением. Дочка воспитывает отца! Молчи, Травень! Дай ей высказаться. Лучше уж так, чем холодная отстраненность.

– ...вспомни, в каком виде ты вернулся в Москву в нулевом году?.. Я понимаю мать! Я благодарю Лену. Она заботилась о тебе, но и её ты достал. Всё, что ты умеешь толком делать – это воевать и играть на своей трубе!

– Твоими устами говорит сейчас мать. К этому я способен относиться с пониманием, но...

– Конечно! – Дочь подняла на него глаза. – Ты ещё вполне способен снова жениться на какой-нибудь парикмахерше...

– Маша!

– ...или маникюрше, или продавщице из галантерейного ларька.

– Ты о чем это? – Травень из последних сил старался казаться строгим.

– Ты предпочитаешь доступных женщин достойным...

– Это твоя мать...

- ...как и большинство мужиков!
- Победоносная концовка!

Но дочь умолкла, благоразумно не желая продолжать бессмысленную пикировку с отцом на пороге войны.

Часть вторая

Дорога – две пробитые в снегу колеи – с покорностью дешевой потаскухи ложилась под колеса. По обе стороны – гнутые, иссеченные острым железом отбойники. Вот они, первые следы войны. А вот и первая её жертва – одинокая фигурка на обочине.

Нога легла на педаль тормоза сразу, едва лишь Сашка заметил человека. На такой дороге надо тормозить осторожно. Травень глянул на спидометр. Скорость не более сорока километров в час. Он продолжал ласкать подошвой широкую тормозную педаль, перевел рычаг на третью передачу.

По встрече проскочил автомобиль – легковушка-иномарка, древняя «япошка». Следом за ней двигался более крупный объект. Фары светили высоко и ярко. Травень присмотрелся. Так и есть – КамАЗ, кузов выкрашен яркой краской.

Теперь «туарег» двигался совсем медленно, полз на второй передаче. Теперь Сашка смог получше рассмотреть человека. На отбойнике сидел пацаненок. Росточек метр двадцать, не более. Дошколенок?.. Скорее ученик младших классов. Что делает один на дороге, в безлюдном месте?

КамАЗ внезапно развернулся поперек дороги, его повело юзом. Травень увидел оранжевый бок кузова. Сашка подался вправо, надеялся, что бампер «туарега» спугнет парня, тот заботится, соскочит с отбойника в запорошенную снегом канаву, но тот спрыгнул на скользкое дорожное полотно и, неловко ковыляя, вышел на середину трассы. Подол длинной, не по росту, куртки доходил ему до колен. Кисти рук прятались в рукавах. Потрепанная оторочка капюшона скрывала черты лица. Травень вдавил педаль тормоза в пол. «Туарег» вильнул задом и остановился.

А КамАЗ крутило на дороге. Он поворачивался к лобовому стеклу «туарега» то левым боком, то правым. Наконец Травень прочел огромную белую надпись «Вывоз ТБО» на задку кузова. Сашка взмок. Секунды солеными каплями сбегали с кончика носа. Одна, вторая, третья...

– Беги... – едва слышно прохрипел он.

Но мальчишка и не думал уходить с дороги. Он лишь взмахнул рукой. Повинуясь его нечаянному, подобному мановению ангельского крыла, жесту, оранжево-коричневая махина КамАЗа сместилась влево. Траектория движения грузовика выровнялась и стала параллельной искореженному осколками отбойнику. Травень прикрыл глаза и принялся считать до десяти.

Когда же он разомкнул веки, ни мальчишки, ни КамАЗа на дороге не оказалось.

* * *

Неназываемый оказался высоким, костистым мужчиной средних лет с замкнутым, гладким лицом. Череп его прикрывала трикотажная шапка. Одетый в обычную строительную робу и куртку типа «рыболов-спортсмен» со множеством карманов, Неназываемый казался обычным мужчиной. На связника бандитов никак не тянул. Он вручил Травню ящик с РГД-5, штурмовой, девятимиллиметровый СР-3М «Вихрь» с глушителем, несколько коробок с патронами, документы, пакет с деньгами и бронежилет. В движениях Неназываемого присутствовала неспешность привыкшего к физическому труду человека: рабочего, крестьянина, солдата. Кто он? Шахтер, водитель большегрузного автомобиля, заводчанин? Пока мужик менял номера на «туареге», Травень смотрел на запорошенный бок террикона через прицел «вихря». Закончив работу, Неназываемый впервые заговорил с ним.

– Ваш позывной – Новичок. Потом получите другой. Хозяин сам выйдет с вами на связь. – Слова вылетали из его рта, подобно твердому гороху. Говорил он чисто, без акцента, но, казалось, что русский язык чужой для него.

Наконец Неназываемый совершил первый промах.

– Место дислокейшн хозяина вот тут. – Он ткнул пальцем в дисплей навигатора.

– Я по старинке предпочитаю бумажные карты, – улыбнулся Травень. – Электронные устройства, бывает, зависают. Бумага надежней.

– Мы обеспечим вас бумажной картой. Но пока только так...

Травень опустил автомат, сделал шаг к Неназываемому, посмотрел в дисплей. Дом Саввы Лихоты располагался в небольшом населенном пункте, неподалеку от Пустополья. Видимо, это дачный поселок из новых.

– Это закрытый населенный пункт, – проговорил Неназываемый. – Охраняемый. Вас опознают по номерному знаку. Но пока охрана с вами не знакома, придется называть пароль.

– Какой?

Неназываемый отвернулся и, казалось, не слышал его вопроса. Травень продолжал рассматривать запорошенный склон террикона. Крутой бок рукотворного холма зарос редким кустарничком. Тут и там белели островки нерастаявшего снега. Среди конусов горной породы щедрой рукой великана были разбросаны кубы и параллелепипеды сооружений шахты «Красный партизан». Когда-то на ней работал Виталий Травень – Сашкин отец. Сашка мог без запинки поименовать каждую из геометрических фигур: комплекс сооружений главного ствола, здания подъемных машин, котельная, вентиляторная установка, электроподстанция, АБК³, контора, механические мастерские, да мало ли ещё что! Когда-то здесь кипела жизнь, а ныне все застыло. Пыльные окна АБК больше не отражали божий мир. Время и пространство утекали в черные дыры пустых окон. Труба котельной походила на исковерканный подагрой палец старца.

– Шахта не работает больше... – рассеянно произнес Сашка.

– И давно, – отозвался Неназываемый. – Господин Лихота пытался наладить работу. Но жители этих мест – дикий народ. Не хотят хорошей работы. Диверсия за диверсией. Шахту пришлось закрыть.

– Как же так?

– А зачем им? Роют норы в земле, достают уголь, продают. Так им больше нравится. Дикари.

– И я один из них...

– О вас в этих местах говорят, как о солдате. Вы – не шахтер.

– Я внук шахтера и сын шахтера, и знаю наверняка: шахтер не будет устраивать диверсии. Неназываемый криво ухмыльнулся. Сашка начинал злиться.

– Послушай! – Он ухватил Неназываемого за рукав куртки.

Тяжелое, костистое, хорошо вымуштрованное тело отозвалось на его прикосновение ответным, точным движением. Травень отлетел назад всего на пару шагов. Неназываемый не желал серьёзной схватки, но спуску давать не собирался.

– Не стоит! – прорычал он. – Мы оба здесь чужие. Местный народ ленив, непредсказуем и агрессивен. Лучше беречь друг друга.

Он внимательно и оценивающе смотрел в лицо Травня, и Сашка решил повременить. Глубокий вдох и полный выдох. Спокойнее. Над головой родное небо, вокруг – знакомые места. Здесь ему по плечу любая задача. Он справится.

– Не стоит! – ещё раз повторил Неназываемый.

³ АБК – административно-бытовой корпус.

Сашка поднял голову к небу. На верхушке террикона висело белесое облако. День был по-весеннему влажным. Воздух туманился мелким дождичком – первым в этом году. Травень с забытым трепетом рассматривал знакомую, застывшую на все времена в своей неизменности картину, лишь слегка оживленную искрой движения – по пестрому, черно-белому фону перемещалось яркое пятно. Кто-то одетый в яркую, с оранжевыми полосами куртку, спускался вниз по склону. Раздался металлический лязг. Травень обернулся. Неназываемый уже приложился к оптическому прицелу. Винтовка у мужика хорошая – Cheytac M200 «Intervention». Прицел стоит целое состояние, да и прочий обвес совсем не дешевый. Неназываемый застыл, превратился в изваяние самого себя. Только указательный палец едва уловимым движением ласкал курок.

– Так какой пароль? – Травень слегка толкнул Неназываемого в плечо.

Глухой хлопок. Фигурка на склоне холма остановилась. Мальчишка оказался так близко, что Травень смог рассмотреть и черты его бледного лица, и грязную мягкую игрушку, зажатую в левой руке – серенького мишку. Похоже, он смотрел себе под ноги, в то место, куда ударила пуля. Неназываемый, мельком глянув на Травня, опустил ствол.

– На текущие сутки пароль чарити⁴, – его английский оказался безупречен.

Едва уловимым движением опытного охотника он поставил оружие на предохранитель и закинул его на заднее сиденье УАЗа «Патриота», ещё раз, безо всякого выражения глянул в сторону мальчишки и прыгнул на водительское место. Травень подошел к нему, поставил ногу на подножку.

– У вас так принято?

– What?⁵

– Стрелять по детям.

– Это не есть ребенок.

Что случилось с Неназываемым? Почему слова русской речи вдруг сделались трудны для него?

– Мальчишка? Да ему не более семи лет!

– Он опасен. Чужой. Много вреда... prevents⁶... вмешивается...

Едва прислушиваясь к бормотанию Неназываемого, Травень окинул взглядом внутренность салона УАЗа. На полке, перед передним пассажирским сиденьем, стояли один на другом два ящика с минами ПОМЗ-2М. Еще три ящика с минами нажимного действия Травень заметил в багажнике, когда получал от Неназываемого оружие.

– Раньше тут сажали подсолнечник, а теперь, похоже, минные поля, – пробормотал Травень.

– Бою не страшны мины, – заводя движок УАЗа, Неназываемый махнул рукой в сторону террикона. – Он ходит по минным полям, как по детской площадке... winged...⁷ prevents... До встреча при Савва Олегович!

Неназываемый включил передачу.

Травень не стал смотреть, как внедорожник, раскачиваясь, будто на волнах, движется в сторону шоссе, вернулся к «туарегу», еще раз осмотрел дорожную колею перед его бампером. Да, немецкие машины мало приспособлены для езды в таких условиях. Лучше ему выбраться на асфальт. Но для этого надо развернуться в узкой колее. При этом колеса заедут на обочины – Травень сморгнул, припомнив зеленые ящики с ПОМЗами, – потом пятьсот метров – и ты на асфальте.

⁴ Charity (англ.) – милосердие.

⁵ Что? (англ.)

⁶ Мешает (англ.)

⁷ Крылатый (англ.).

Прямо ехать – по грунтовке. Размякшая колея то тащится по плоскости, то петляет в зарослях колючего кустарника, то взбирается на склон. Там мины, там мальчишка с грязным мишкой в руках. Да разве такое возможно? Он, Травень, детство своё провел на этих терриконах. Знает каждую складку, каждую морщинку рукотворной горы. А теперь там этот мелкий паренек гуляет, бледный, наверняка голодный. Если хоть что-то в этом мире осталось неизменным, то грунтовка, едва взобравшись на террикон, должна скатиться вниз, к подножию горы. Дальше колея двинется в обход террикона. Это не менее трех километров пути. Зато потом можно будет выбраться на бетонку. Он помнит дорогу. Столько лет прошло, а он всё ещё помнит!

Дорога не оставляла возможности следить за мальчишкой. Травень до последнего надеялся, что ему удастся снять парня со склона террикона. Надеялся, что он стоит там, недвижим, ждет его. Обнадеживала и тишина – разрывов мин пока не было слышно. Эх, поставить бы правую пару колес на гряде между колеями, а левой парой покатиться по обочине. Тогда меньше шансов повиснуть на картере. Травень посматривал на желтые стебли прошлогодней травы, толстым слоем устилавшие снег.

Мины! Противопехотная мина вряд ли серьезно навредит ему, но однозначно выведет автомобиль из строя. Днище «туарега» осколки не пробьют, но повредят патрубки, электрику, колеса. Противопехотка может пробить и воспламенить бензобак, и если Сашка не успеет выскочить, то ему хана. Даже полупустой бензобак взрывается как бомба. Но кому может понадобиться ставить противопехотки в таком безлюдном месте? Травень вильнул рулем влево. «Туарег» левой парой колес покатился по обочине. Правая пошла по бугру между колеями.

– Спаси и сохрани, Николай-угодник! – шептал Сашка.

Вот дорога полезла выше, взобралась на рукотворную гору. Автомобиль наклонился вправо. Скоро он увидит пацаненка. Только бы он не двигался с места! Сто метров, ещё сто... Счетчик спидометра двигался медленно.

Мальчишка стоял почти на том же месте, но чуть выше по склону. Он будто и ждал Травня, и не желал, чтобы тот к нему приближался. Сашка поставил рычаг в положение «паркинг» и открыл дверь.

– Не надо! – Мальчик отрицательно покачал головой. – Мины!

Травень не мог слышать звука его голоса, но смог угадать по губам и не решился ступить на опасный склон, не отважился приблизиться к нему.

– Послушай! – крикнул он. – Спускайся ко мне! Только будь осторожен...

Мальчик снова покачал головой. Травень долго смотрел, как тот взбирается вверх по склону, прижимая к груди грязную тряпку – игрушечного медвежонка. Яркие, оранжевые полосы делали его заметным. Мальчишка двигался по ломаной траектории, часто меняя направление и темп движения. Порой он делал дюжину шагов вниз по склону, порой зачем-то карабкался на выступ, который вполне можно было бы обойти. Иногда движения мальчишки становились так стремительны, что Травню казалось, будто он парит над склоном, вовсе не касаясь ногами заснеженных кочек.

Травень почему-то не боялся за него. Происходящее казалось вполне логичным: пацанчик не хочет садиться в машину к незнакомому дядьке – так мамка наказала, так правильно, так безопасно.

Залп грянул внезапно. В небо одна за другой, издавая змеиный шип уходили мерцающие звезды. Травень вертел головой. Вот они – три дымных облака. Батарея «градов» располагалась в полукилометре от места его встречи с Неназываемым. Ракеты ушли в сторону Пустополья. Кто-то прицельно бьет по городским кварталам. Может ли стать такое?

Травень запрыгнул на водительское место, тронулся, но ехал по проселку медленно, думая уже не о минах, а о неведомом командире артиллеристов, отправлявшем смертоносные заряды по координатам жилых кварталов. Больше часа петлял Травень по проселкам,

бетонным и асфальтированным дорогам. Он вспомнил каждую кочку, каждый холмик, каждый выступ на боках терриконов.

В этих местах время замерло. Редкие автомобили, попадавшие ему навстречу, были всё тех же, вымерших в Москве, советских брендов. Лица людей, их одежда, речь, повадки – всё родом из детства. И воздух всё тот же, будто закатанный, запаянный в банку на двадцать пять лет, а теперь по чьему-то недосмотру вырвавшийся наружу.

Через час блужданий по дорогам местного значения, Травень обнаружил место пуска ракет. Ещё не менее часа он потратил на изучение следов. Батарея состояла из трех тягачей на шасси «Урал» с конвоем из одной БМП и одного внедорожника.

Рассмотрев и зарисовав на всякий случай все обнаруженные свидетельства залпа, Травень отправился в сторону Пустополья.

* * *

Знакомые места. Казалось, даже тополя не вытянулись ввысь за время его отсутствия, всё так же топорщат на стороны свои корявые, обрубленные ветки. Деревья выстроились шеренгами по обе стороны шоссе – почетный караул увечных солдат. Скоро растеплеет, обрубки старых сучьев покроются тощенькими волчками, зелень закудрявится, полетит пух.

«Пустополье» – черные буквы на белом прямоугольнике проплыли по правой обочине. Надо сбросить скорость до шестидесяти, населенный пункт всё-таки, хоть и окраина.

Он сразу же разглядел последствия попадания ракеты. Особое внимание привлек один из домов – небольшой одноэтажный пятистенок с верандой за высоким забором из листов профнастила. Половину дома снесло вместе с крышей. Забор положила плашмя взрывная волна. Выжили хозяева или нет, но забор они поднять не удосужились.

Травень притормозил, чтобы лучше рассмотреть двор. Та же взрывная волна разнесла остекление летней кухни вместе с оконными переплетами. В самом доме не осталось ни одного целого окна. Кровля отсутствовала. Часть стропил раскрошилась и обуглилась. Их кое-как прикрыли фанерой и ветошью. В уцелевшей части дома оконные проемы были заделаны листами фанеры. Через дыру курилась дымком Г-образная труба буржуйки – в доме явно кто-то жил.

Мимо Травня по раздолбанному тротуару спотыкаясь шла женщина с сумкой. Сутулая спина, выцветший платок на голове, обута в бесформенные, утратившие цвет ботинки.

– А что, тетенька, в город часто ракеты прилетают? – окликнул её Травень.

Женщина не обернулась. Чудеса! Или местные жители решили перенять московские манеры?

– Здравствуйте! – Травень заглушил двигатель и выбрался из автомобиля. Он в два прыжка нагнал женщину. Тронул за локоть со всей возможной деликатностью:

– Тетенька...

Эх, мастерство не проспийшь и не проспоришь! Он смог избежать удара под дых.

– Рад, что обратили на меня внимание!

– Какая я тебе тетка? – буркнула дама, оборачиваясь.

Нижнюю часть её лица закрывал платок, но глаза, лоб и скулы принадлежали несомненно молодой женщине. Травень успел рассмотреть едва наметившиеся продольные складочки на переносье и сеточку у внешней стороны глаз.

– Говори быстро. Что надо? Ты военный? Землекоп? Если – нет, тогда...

Сумка с грохотом упала на тротуар, а женщина извлекла из кармана электрошокер. Говорила она странно, шамкала по-старчески, будто челюсть вставную позабыла дома в стаканчике.

– Я родился здесь, но давно...

– Приезжий?

- Да.
- К Землекопам приехал наниматься?
- Ну не совсем.
- У Пастухов платят больше.
- Сколько?
- Если в евро, то по сотне в месяц.
- Я хотел узнать за ракеты. Что, часто пуляют?

Женщина, словно испугавшись чего-то, обернулась на разрушенный дом. Край косынки, закрывавшей лицо, сполз на шею. Травень увидел свежий, розовеющий шрам. Он пересекал нижнюю губу, подбородок и нижнюю часть левой щеки.

– Проклятые Пастухи! Спасу от них нет! – Она схватила сумку и кинулась к поваленному забору. Травень нагнал её, помог перебраться через завал.

– Наверное, надо тут всё разгрести, – бормотал он, отводя взгляд от её изуродованного лица. А она, больше не пряча увечье, в двух словах, на ходу рассказала ему о своих утратах: родители, муж, старший из сыновей. Зато младшая сестра и младший мальчик выжили.

– Забор чинить некому. – Она уже стояла у разрушенного крыльца, спиной к перекошенной двери и в упор смотрела на Травня. – Ракеты по городу пускают часто. Раз в месяц – обязательно. И наши защитники пока ничего не могут с этим поделать.

– Но на каком основании?

– Та Лихоту будто б выбрали мэром. Но бюллетени подделали. Тут кое-кто стал суетиться, бунтовать. Кто-то бандитствовал, кто-то подзуживал. Но всё бы ничего, если б... – Она внезапно замолчала, словно устыдившись собственных речей.

– Что? – Травень схватил её за руку. Женщина отшатнулась. – Говори!

– Всё бы ничего, если б не ракеты, – проговорила она. – Лисичановки считай что нет, и теперь они долбят по городу. Может, хватит уже, а?

– Намеренно уничтожают мирных жителей? Куда же смотрят власти?

– Власти? Власть тут – Савва Лихота. Он как бы избран, но наши защитники не согласны с результатами выборов.

– Ваши защитники? Кто они? Землекопы?

Она поставила сумку на землю и снова взялась за электрошокер.

– Я понял. Ракеты прилетают раз в месяц. На большее количество зарядов у Пастухов нет бюджета. У Землекопов дальнобойной артиллерии нет, и они попросту сидят у вас на шее. Ты правильно и красиво говоришь. Неужели учительница?

– Преподавала в музыкальной школе.

– Да ну?! Значит, музыкалка всё ещё работает?

– Да. Детишки исправно ходят на занятия.

– Хор и оркестр?..

– Да. Всё работает. Мы не сдаемся. Стараемся поддерживать нормальную жизнь.

– А как же...

Их разговор прервал детский плач, внезапный и пронзительный. Женщина заволновалась.

– Простите. Я больше не могу говорить...

– Ваш ребенок болен?

– Нет... уже нет...

Прежде чем она скрылась за скособоченной дверью, он успел сунуть в её ладонь горсть мятых купюр.

Травень вернулся к «туарегу». Только проехав целый квартал, он вспомнил, что позабыл спросить имя музыкантши.

* * *

Теперь Сашке надо добраться до центра города. Там, в многоквартирном доме, живет семья Половинок. Но для этого необходимоо пересечь весь Пролетарский район, сплошь состоящий из одноэтажных домов с садами и огородами. С предприятиями торговли и общепита в этой части Пустополья и в прежние времена было плоховато, а Травню надо купить хоть каких-то гостинцев. Не являться же в дом друга после долгой разлуки с пустыми руками.

На левой обочине приткнулся ларек: железные стены, крошечные, зарешеченные оконца, кривая, рифленая крыша. Над кровлей – многообещающий, расцвеченный бутафорским салютом, плакат «...да и выпивка». Букву «е» из слова «Еда» снесло осколком. Этот нюанс сделал плакат ещё более живописным. На площадке перед ларьком припаркована разнообразная техника. Среди прочей штампованной дребедени – «жигулей» с литыми дисками, зеленого мотоцикла «Ява» с коляской, нескольких древних иномарок – выделялась пятнистая «Нива» с крупнокалиберным пулеметов в кузове. Настоящий «джихадмобиль».

Улица перед магазинчиком была пустынной, если не считать трех мужиков, оживленно обсуждавших что-то у задка «Нивы». Травень остановился, опустил окно «туарега». Одного из троих – Витька Середенку – он узнал. Младший брат Гали Половинки казался сильно утомленным, он стоял низко склонив голову, опираясь обеими руками о полку кузова «Нивы». Бледный, покрытый испариной лоб его, прикрывали буйные вихры. Он жевал перепачканную кровью бороду. Двое других – точно не местные! – подпирали его плечами с обеих сторон.

Один – широкий, рыжий, в высокой каракулевой шапке, с густо подернутой серебром бородой – скорее всего, уроженец республик Северного Кавказа. Другой – гладко бритый, черноокий, носатый, хрупкого сложения. Все трое одеты в камуфляж и обуты в берцы. На Витьке Середенке оружия не было видно, а у его товарищей на плечах болтались ремни АКМ.

Травень припарковал «туарег» так, чтобы иметь возможность слышать разговор, но товарищи Витька молчали, сосредоточенно покуривая самокрутки. Один из них, гладко бритый и носатый, стрелял в Травня острым взглядом.

Сашка учуял сладковатый душок самокруток. Хороши дела в Пустополье! Среда бела дня возле ларька с бухлом уроженец кавказских республик курит марихуану и замешивает бока исконно местному бухарику, безобидному в общем-то Середенке! Носатый, метнув очередной взгляд в сторону Травня, врезал Середенке по уху, а тот даже ладони не приложил к ушибленному месту. Похоже, запястья его были скованы наручниками. Видно, дела у Витька реально плохи. Заперев «туарег», Травень подошел к «Ниве». Бритый хлюпик посторонился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.